

«Классика чистейшей воды»
Говард Филлипс Лавкрафт

УИЛЬЯМ ХОУП
ХОДЖСОН

КАРРАККИ
ОХОТНИК ЗА ПРИВИДЕЮЩИМИ

Мастера магического реализма (АСТ)

Уильям Хоуп Ходжсон

**Карнакки – охотник за
привидениями (сборник)**

«АСТ»

1910-1917

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Вел)-445

Ходжсон У.

Карнакки – охотник за привидениями (сборник) / У. Ходжсон — «АСТ», 1910-1917 — (Мастера магического реализма (АСТ))

ISBN 978-5-17-105925-5

Призраки и потусторонние твари всегда рядом и всегда голодны. Немногие смельчаки осмеливаются бросить им вызов, а уж тех, кто сделал охоту за сверхъестественным своим ремеслом, и вовсе можно пересчитать по пальцам. И в числе самых известных из них – Томас Карнакки. Только этому блестящему уму, в чьем арсенале святая вода и чеснок соседствуют с последними достижениями современной науки, под силу найти разгадку там, где опускают руки лучшие детективы на службе Ее величества. Отчаянный контрабандист, при звуках имени которого стискивают зубы в бессильной ярости таможенники Старого и Нового света. Бесстрашный морской волк и безукоризненный джентльмен, всегда придерживающийся своего собственного кодекса чести. Талантливый художник-любитель, одинаково хорошо разбирающийся в восточных религиозных артефактах и драгоценностях. Мой бог, не слишком ли много у вас талантов, капитан Голт? Моряк, культурист, фотограф, военный, писатель и поэт, один из самых ярких и самобытных авторов ранней фантастики, оказавший наибольшее влияние на творчество Г. Ф. Лавкрафта, высоко ценимый К. Э. Смитом, К. С. Льюисом, А. Дерлетом и Л. Картером и многими другими мастерами – все это Уильям Хоуп Ходжсон!

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-17-105925-5

© Ходжсон У., 1910-1917

© АСТ, 1910-1917

Содержание

Карнакки – охотник за привидениями	7
Невидимая тварь, или Странная история Горестного кинжала семейства Джарноков	7
Врата Чудовища	17
Дом среди лавров	29
Свистящая комната	40
Обитатель последнего дома	51
Конец ознакомительного фрагмента.	62

**Уильям Хоуп Ходжсон
Карнакки – охотник за
привидениями (сборник)**

© Соколов Ю. Р., перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Карнакки – охотник за привидениями

Невидимая тварь, или Странная история Горестного кинжала семейства Джарноков

Карнакки только что возвратился в Чейни Вок, Челси. Я узнал об этом интересном факте из немногословной почтовой открытки с требованием явиться в дом № 472 не позже семи часов того же дня.

Мистер Карнакки, насколько было известно мне и всем прочим членам узкого кружка его друзей, провел последние три недели в Кенте, однако о том, что с ним происходило, мы не имели ни малейшего представления. Карнакки всегда был человеком скрытным и немногословным, и отверзал свои уста, только когда был готов. Когда он достигал этой стадии, я и еще трое его друзей, Джессоп, Аркрайт и Тейлор, получали открытку или телеграмму с приглашением. Отказавшихся без особой причины среди нас, как правило, не бывало, поскольку после весьма недурственного обеда Карнакки устраивался поудобнее в своем просторном кресле и начинал рассказывать. И что это были за рассказы! Повествования, истинные от первого до последнего слова и при этом полные странных и загадочных событий, захватывавшие слушателей от самого начала и по окончании погружавшие в глубокую задумчивость. Когда он смолкал, мы безмолвно обменивались с ним рукопожатием, вываливались на темную улицу и, пугаясь собственных теней, торопились по домам.

В тот вечер я явился к нему первым и застал Карнакки с трубкой в руках за чтением газеты. Поднявшись, он крепко пожал мою руку, указал на кресло и вновь сел, так и не произнеся ни слова. Мне не доводилось встречать человека столь любезного и лаконичного, как он. Я, со своей стороны, слишком хорошо знал Карнакки, чтобы беспокоить его расспросами или разговорами о погоде, а потому молча уселся и достал сигареты. Постепенно подошли и все остальные, после чего мы с комфортом провели время, наслаждаясь обедом.

После завершения трапезы Карнакки уютно устроился в просторном кресле, набил поплотнее трубку и какое-то время просто выпускал дым, не отводя глаз от огня. Все остальные тоже расположились поудобнее, каждый на собственный манер, и наш хозяин, наконец-то, заговорил, безо всяких преамбул и предисловий приступив к рассказу, которого мы ждали.

– Я только что вернулся из Южного Кента, из поместья сэра Альфреда Джарнока, что в Бертонтри, – начал он, не отводя глаз от огня. – В последнее время там происходили необычайнейшие события, и старший сын сэра Альфреда, мистер Джордж Джарнок, прислал мне телеграмму с просьбой изучить и по возможности исправить ситуацию. Словом, я отправился в путь. Явившись в поместье, я обнаружил старинную капеллу, известную как место обитания привидения. Как я понял, хозяева даже гордились этим святилищем, однако совсем недавно привидение вдруг сделалось опасным: дворецкий Джарноков получил в капелле удар старинным кинжалом. Считалось, что с кинжалом этим и связана творящаяся там чертовщина. Во всяком случае, в семье всегда полагали, что кинжал поразит любого врага, который осмелится вступить в капеллу после наступления ночи. Разумеется, к преданию никто не относился серьезно – как и к большинству историй с привидениями. Тем не менее, людям казалось странным, что в легенде вещь действовала сама по себе или в руке некоего невидимки. Так, во всяком случае, считали все в доме, когда я появился и начал разбираться в положении дел.

Естественно, в первую очередь мне следовало удостовериться, что в данной истории не принимает участия человеческая рука. Сделать это мне удалось даже проще, чем я мог предполагать, поскольку дворецкий получил рану в присутствии других находившихся в капелле

людей и при полном освещении. Удар был нанесен при свидетелях, и никто не мог объяснить, как это могло случиться, даже сам раненый, причем – с огромной силой, так как дворецкий отлетел к стене капеллы, будто его лягнул конь. К счастью, рана оказалась не смертельной, и к тому времени, когда я оказался в поместье, бедняга уже достаточно поправился, чтобы поговорить со мной. Тем не менее, полученная от него информация ничем не могла помочь мне: дворецкий всего лишь приблизился к алтарю, чтобы погасить свечи, и в этот момент подвергся нападению. Он ничего не видел и не слышал, только получил сильнейший удар, отбросивший его к стене.

Я был весьма озадачен, однако не мог прийти к определенному выводу до завершения обследования капеллы. Она оказалась небольшой и чрезвычайно древней. Стены ее очень толсты, и попасть в капеллу можно только через одну-единственную дверь, связывающую ее с замком, причем ключ от нее сэр Джарнок держал при себе, не доверяя дворецкому. Церквушка имеет удлинённую форму, перед алтарем находится обычная ограда. Под полом церкви устроены два захоронения, однако солея¹ свободна, и на ней находятся лишь высокие подсвечники и решетка, за которой располагается ничем не покрытый мраморный алтарь, на обоих краях которого тоже стоит по подсвечнику. Над алтарем и подвешен этот самый Горестный кинжал, каковое название он носил в течение прошедших пяти столетий.

Протянув руку, я снял кинжал, чтобы рассмотреть его. Обоюдоострый клинок дюймов десяти длиной, будучи шириной в два дюйма у основания, сужается к острию. Ножны снабжены любопытным перекрестием, которое, учитывая то, что они на три четверти прикрывают рукоятку кинжала, превращают его в некое подобие креста. О том, что подобная форма выбрана не случайно, свидетельствует выгравированное с одной стороны изображение распятого Христа. На другой стороне латинская надпись: «Мне отмщение, и Аз воздам». Странное и несколько жутковатое смешение идей. На лезвии кинжала выгравировано старинными английскими буквами: «Я внемлю. Я ударяю». На «яблоке» рукоятки глубокими линиями изображен Пентакль – пятиконечная звезда.

Теперь вы располагаете достаточным представлением об оружии, которое в течение пяти или даже более столетий считалось способным по собственной воле или в руке невидимого духа нанести убийственный удар любому врагу семейства Джарноков, которому случится войти в капеллу после наступления ночи. Более того, могу сказать, что прежде чем оставить капеллу, я получил достаточные основания думать, что в древней истории кроется куда больше правды, чем это может представиться здравомыслящему человеку.

Однако, следуя своему обыкновению, я старался относиться ко всему непредвзято, и потому продолжил изучение капеллы. Простучав и обследовав ее стены и пол, не исключая оба старинных надгробия, к вечеру я пришел к выводу, что вход и выход из церкви был возможен лишь через ведущую в замок дверь, постоянно остававшуюся запертой. То есть, позвольте уточнить: это был единственный выход, доступный для *материальных* созданий. Впрочем, даже если бы я нашел какое-то другое отверстие, тайное или открытое, это немногим приблизило бы меня к разрешению загадки. Дворецкий, как вы, конечно, помните, получил ранение в присутствии большинства членов семьи и многих слуг, и краткий опрос тех и других показал, что не одно видимое создание не смогло бы приблизиться к этому человеку так, чтобы его не заметил кто-либо из находившихся в капелле.

Такова была тайна, которой мне предстояло дать здоровое и разумное объяснение!

От Томми, второго из сыновей хозяина, смышленного мальчика лет пятнадцати, я узнал новые подробности. Он видел, как был ранен дворецкий, или, точнее говоря, видел дворецкого в то мгновение, когда тому был нанесен удар. Мальчик сказал мне, что если бы этого человека лягнул конь, то и в этом случае его не отбросило бы дальше или с большей силой. Все случи-

---

¹ Возвышение пола перед алтарной преградой или иконостасом в христианском храме.

лось, когда бедняга отправился гасить свечи на алтаре. Кинжал пронзил его насквозь, так что острое вышло за левым плечом, и с такой силой, что незамедлительно вызванному врачу пришлось извлекать оружие из кости – кинжал насквозь пробил лопатку. Такую информацию я извлек из самого доктора, который, наряду со всеми остальными, находился в полном и несомненном недоумении. Как, впрочем, и я сам, поскольку оставалось лишь согласиться с тем, что некая невидимая тварь – создание из потустороннего мира – едва не убила живого человека. И следовало ожидать продолжения. Мне предстояло собственными глазами увидеть чудо, происшедшее в нашем так называемом прозаическом столетии. Да-да, собственными глазами! Как оказалось, мне пришлось ощутить воздействие сверхъестественных сил на себе!

В тот вечер я предложил сэру Джарноку, невысокому, морщинистому и нервному старику, провести ночь в капелле, чтобы приглядеть за кинжалом, однако он не стал даже слушать меня. Сэр Альфред поведал мне, что с того дня, как замок перешел к нему по наследству, у него вошло в обычай каждый вечер запирает дверь капеллы, чтобы никто по глупости или безрассудству не мог попасть в это опасное место. Тут, должен признаться, я некоторое время просто смотрел на него, называя в уме старой бабой; однако когда он заметил, что предосторожность его оправдала себя, о чем можно судить по нападению на дворецкого, мне нечего было возразить. Но все равно, казалось странным, что человек двадцатого столетия может серьезно относиться к подобным разговорам.

Тем не менее, услышав от сэра Джарнока о его предосторожности, заставлявшей в течение многих лет запирает привидение по ночам, дабы оно не могло никому навредить, я не мог не отметить, что кинжал поразил не врага семейства, а верного и преданного слугу. Более того, нападение было совершено не во тьме, а когда капелла была ярко освещена.

На эти мои замечания старый джентльмен ответил несколько обеспокоенным тоном, что если в отношении освещения я, безусловно, прав, то на кого в этом мире и в наше время можно рассчитывать безо всяких сомнений?

– Тем не менее, сэр Джарнок, – возразил я, – у вас, конечно, нет никаких оснований подозревать своего дворецкого в том, что он является врагом семьи?

Я произнес эти слова наполовину шутливым тоном, однако он вполне серьезно ответил мне, что никогда не имел совершенно никаких причин не доверять Паркеру. После этого, с легким любезным поклоном сославшись на присущую возрасту усталость, он пожелал мне доброй ночи и отправился почивать, оставив о себе впечатление вежливого, но суеверного старого джентльмена.

Той ночью, когда я раздевался ко сну, меня осенила идея. Ведь если я хочу добиться какого-либо прогресса в разрешении дела, то должен заручиться возможностью входить в капеллу и выходить из нее в любое время дня и ночи. А идея была такова: утром, когда мне передадут ключ, сделать с него отпечаток и изготовить дубликат. Таким образом я легко добьюсь поставленной цели и смогу беспрепятственно входить в капеллу после темноты и следить за Горестным кинжалом, не обижая сэра Джарнока нарушением давно соблюдавшихся им предосторожностей.

Утром я получил у старого джентльмена ключ и в его присутствии отпер капеллу. Потом я отправился за фотокамерой и штативом в свою комнату, где и снял отпечаток, после чего, вернувшись, возвратил ключ владельцу. Установив камеру в проходе между креслами, я сфотографировал солею, а потом сказал, что оставлю камеру здесь. Сэр Джарнок проводил меня к выходу из капеллы и запер за нами дверь. Он сказал, что будет счастлив предоставлять мне ключ всякий раз, когда я захочу посетить капеллу, но только не после наступления темноты, ибо не может допустить, чтобы еще один человек стал жертвой зачарованного кинжала.

Я отнес кассету в Бертонтри и отдал ее местному фотографу, предупредив, чтобы он проявил единственную находившуюся в ней пластинку, но не печатал до особого моего распоряжения. Затем я принялся искать замочных дел мастера и, обнаружив такового, заказал ему

сделать по оттиску ключ так быстро, как только возможно, поскольку он может потребоваться мне уже вечером. И когда я заглянул к нему в конце дня, работа, к моему удовлетворению, была уже выполнена.

Я вернулся в замок как раз к обеду, после которого, принеся соответствующие извинения, удалился в свою комнату. Оказавшись в ней, я извлек из-под кровати несколько отличных пластинчатых панцирей, которые позаимствовал из оружейной кладовой. Еще я захватил там кольчужку с прикрывающим голову капюшоном. Надел панцирь, а поверх него натянул кольчугу. Не слишком разбираюсь в доспехах, но, судя по тому, что мне довелось узнать с тех пор, я тогда нацепил на себя части двух различных боевых одеяний. Как бы там ни было, чувствовал я себя в них жутко, но поскольку мой план требовал хоть как-то защитить тело, постарался соблюсти все возможные предосторожности. После этого я прикрыл свою броню халатом, опустил револьвер в один из боковых карманов, а фотовспышку убрал в другой. Фонарь со шторкой остался у меня в руках.

Выйдя в коридор, я притворил и запер дверь спальни, а после этого осторожно спустился к капелле, моля, чтобы никто не заметил меня по пути. Оказавшись у двери, я немедленно опробовал ключ и в следующее мгновение, оказавшись в темной тихой капелле, запер за собой дверь.

Должен признаться, что чувствовал я себя не вполне в своей тарелке. Стоять в полной тьме, гадая, не приближается ли к тебе невидимая тварь, не так уж приятно, как могло бы показаться. Тем не менее, паниковать не было смысла, поэтому я включил фонарь и начал обход.

Ничего неожиданного мне обнаружить не удалось. Кинжал мирно висел на своем месте над алтарем, а вокруг было тихо, холодно и безмолвно. Затем я подошел к камере, извлек из оставленной под ней сумки кассету, вставил ее в камеру и взвел затвор. Сняв крышку с объектива, я приготовил фотовспышку и нажал на спуск. Ослепительно яркая вспышка вырвала из небытия весь интерьер капеллы, тут же скрывшийся из вида. Пользуясь фонариком, я переставил кассету, чтобы в нужное мгновение располагать свежей пластинкой, после чего выключил фонарь и уселся на скамью рядом с камерой. Не знаю, чего я ждал, но мной владело ощущение, утверждающее, что нечто обязательно случится. Я словно был уверен в этом.

Миновал час... час, проведенный в абсолютном безмолвии. Я зверски замерз, поскольку заметил еще во время обследования, что в капелле не было ни батарей, ни печки, поэтому внутри оказалось столь же холодно, как в благословенной могиле. Ну, а к холоду в помещении добавлялись мои ощущения, как вы понимаете, отнюдь не согревавшие мою душу. И тут я с жуткой уверенностью ощутил, что по капелле передвигается нечто. Не то, чтобы я услышал что-то; нет, интуиция подсказывала мне, что во тьме шевелится неизвестная тварь. Буквально в одно мгновение я облился холодным потом. Не слишком приятное ощущение, однако.

Внезапно я поднес прикрытые кольчугой руки к лицу. Я хотел спрятать его... то есть защитить. Мной владело жуткое чувство, утверждавшее, что надо мной во тьме парит нечто... парит и выжидает. Рассказывают, что сердце человека может расплавиться в груди! Мне казалось, что мое сердце превратилось в лужицу. Я закричал бы, если бы не было так страшно произнести хоть звук. И тут вдруг я услышал звук! В конце прохода между скамьями что-то глухо лязгнуло, словно в каменный пол ударила обутая в сталь пята. Я сидел неподвижно, стараясь заставить себя не превратиться в жалкого труса. Я еще прикрывал лицо, однако мужество постепенно возвращалось ко мне. Усилием воли я заставил себя опустить руки и поднять лицо к нависшей надо мной тьме. Честно скажу, в этот миг я понял, что лучше позволить твари, что бы она ни представляла собой, сразить меня насмерть, чем дать своей отваге сгнить на корню. Однако ничто не прикоснулось ко мне, и я несколько успокоился.

Смею сказать, прошла пара минут, и поодаль, возле соли, вновь что-то лязгнуло, словно на камень осторожно ступила бронированная нога. Боже мой! Признаюсь вам, я напрягся всем

телом. И тут вдруг до меня донесся звук, который можно было принять за звяканье кинжала над алтарем. Мысль о том, что неодушевленный предмет может ожить и напасть на меня, просто не приходила мне в голову. Скорее мне представлялось некое невидимое чудовище из неведомого мира, протянувшее к нему лапу. Я вспомнил слова дворецкого о том, что удар кинжала был подобен удару конского копыта, и с этой мыслью потянулся к фонарю, который оставил на скамейке возле себя. Немедленно щелкнув кнопкой, я повел лучом вдоль прохода, в котором не оказалось ничего, что могло бы испугать меня. Взад и вперед водил я полоской света, но так и не увидел ничего страшного. Ни передо мной, ни за мной, ни над головой, ни на полу, куда я светил, не было видно ничего такого, что могло бы объяснить озноб, пробиравший мое тело. Чтобы осветить капеллу, я встал, однако отчаянным усилием воли вновь заставил себя выключить свет и сесть, достав револьвер и предавшись дальнейшему наблюдению во тьме.

Кажется, таким образом прошло около получаса, и за все это время ни один звук не нарушил царившую в капелле тишину. Что касается состояния моего духа, могу сказать, что я несколько успокоился, что было глупо, поскольку тварь, делавшая капеллу опасной, все равно не была видна, сколь ни ярким был свет. А потом, уже сев ожидать, как я только что сказал, с револьвером в руке, и ощущая себя чуть бодрее, я как будто что-то услышал. Я вслушивался изо всех сил и наконец мог почти поклясться, что кто-то шевелится у начала прохода, но так тихо, что полной уверенности все-таки не было. Потом мне снова показалось, что я услышал тот же самый звук, после чего воцарилось жуткое молчание, после которого он прозвучал снова и уже ближе, словно некто приближался ко мне широкими неслышными шагами.

Я сидел, напрягшись, не шевелясь, и слушал, пока звучание поступи не стало доноситься со всех сторон, и все же не мог быть уверен, что действительно слышу его. Тянулись долгие драгоценные минуты.

Спустя некоторое время, я, кажется, несколько успокоился, хотя помню, как ломило мои плечи от того усилия, с которым я заставлял себя сидеть прямо. Имейте в виду, что страх так и не оставил меня, однако мне уже не казалось, что вот-вот придется сражаться ради спасения собственной души.

Хуже всего было то, что какое-то время я просто не мог толком ничего слышать – так барабанила в ушах кровь... Прямо скажем, жуткое чувство.

И вот я сидел так и вслушивался всем телом и душой, когда вдруг с пугающей уверенностью опять ощутил, что нечто движется в воздухе над моей головой. Чувство это сделалось настолько непреодолимым, что голову мою буквально стиснуло. Паскудное, скажу вам, ощущение, тем более, когда оно вызывается подобным образом. Однако могу с удовлетворением сказать, что теперь я не прикрывал руками лицо. Если бы я позволил себе это, то просто вылетел бы из капеллы, как пробка, но я оставался на месте и сидел, обливаясь холодным потом, а по спине и шее моей гулял холодок. И тут мне опять почудилось, что я слышу этот странный тихий шаг... Казалось, огромные ноги ступают по проходу между скамьями, и на этот раз они как будто много ближе ко мне. А потом настал короткий страшный миг тишины, и мной овладело ощущение, что нечто парит надо мной или нагибается ко мне из прохода; и тогда сквозь грохот крови в ушах до слуха моего донесся негромкий шум от того места, где стоял фотоаппарат – звук неприятный и скользкий, закончившийся резким стуком. Фонарь я держал наготове в левой руке и теперь отчаянным движением включил его и осветил прямо над головой, поскольку совершенно не сомневался, что там что-то есть. Однако надо мной ничего не оказалось, и я направил луч фонаря на камеру и далее по проходу, но и там ничего не было. После этого я принялся светить на все стены и углы капеллы, держа пятно света то в ту, то в другую сторону, и все же ничего не заметил.

В то мгновение, когда я заметил, что над головой ничего не было, я вскочил на ноги и заставил себя шагнуть по проходу в сторону алтаря. Я подумал, что следует увидеть, на месте ли кинжал. Совершая этот короткий путь, я постоянно оглядывался и светил лучом во все

стороны, однако ничего необычайного не заметил. Наконец я достиг ступеньки перед ограждением солеи и маленькими воротами и осветил фонарем на кинжал. «Да, – подумал я, – все в порядке». Потом, словно повинуюсь посторонней силе, перегнулся через ограждение и поднял фонарь повыше. Догадка моя оказалась ошибочной: кинжал исчез, и лишь ножны висели над алтарем. Повинуясь внезапной вспышке испуганного воображения, я представил себе, как оружие носится по всей капелле, словно по собственной воле, ибо владеющая им тварь остается невидимой для человеческого ока. Я поспешно повернулся налево, пытаюсь заглянуть за спину и помогая зрению лучом фонаря, и в то же мгновение получил сильнейший удар в левую часть груди, заставивший зазвенеть броню и отбросивший меня от ограды солеи вдоль прохода.

Я упал на спину, однако мгновенно вскочил, невзирая на полный туман в голове, и бросился бежать к двери, склонив голову и прикрывая защищенными кольчугой руками лицо. Наткнувшись на камеру, швырнул ее на скамью, потом врезался в купель и отшатнулся. Наконец я оказался у двери и отчаянно зашарил по карманам в поисках ключа. Обнаружив его, я стал лихорадочно нащупывать замочную скважину. За спиной моей, согласно разумению, маячила немыслимая тварь. Наконец обнаружив скважину, я вставил ключ, повернул его, настежь распахнул дверь и вывалился в коридор. Захлопнув за собой дверь, я навалился на нее всем телом, пока возился с ключом, на сей раз пытаюсь запереть ее, и неверной походкой побрел – не пошел! – к своей комнате.

Оказавшись у себя, я немного посидел, прежде чем нервы пришли в относительный порядок. Когда же я принялся снимать броню, то заметил, что и кольчуга, и пластина панциря пробиты, и до меня вдруг дошло, что тварь метила прямо в сердце. Торопливо раздевшись, я обнаружил на груди царапину, из которой выступили несколько капель крови, испачкавших мою рубашку... и не более. Что бы случилось со мной, если бы я не надел эту броню!

В ту ночь я так и не заснул, а просидел на краю постели, погружившись в размышления, а утром, когда рассвело, осторожно спустился к капелле, открыл дверь и заглянул внутрь. И хотя помещение было залито лучами восходящего солнца, мне потребовалось колоссальное усилие воли, чтобы заставить себя войти.

После минутной нерешительности я все-таки набрался смелости и направился к тому месту, куда упала камера. Матовое стекло оказалось разбитым, но в остальном она была невредимой. Я поставил ее там же, где она стояла ночью, однако вынул отснятую кассету и отправил в один из боковых карманов, сожалея о том, что не вставил вторую в тот момент, когда услышал странные звуки возле солеи.

Наладив фотоаппаратуру, я подошел к солее, чтобы забрать фонарь и револьвер, выбитые у меня из рук неожиданным ударом. Фонарь безнадежно погнулся, но с пистолетом ничего не случилось. Сделав это, я проворно выскочил из капеллы и запер за собой дверь. Признаюсь честно: этим утром я не испытывал никакого желания называть сэра Альфреда старой бабой за меры, предпринятые им в отношении капеллы. И тут мне в голову внезапно пришла мысль: а не знание ли о какой-то связанной с кинжалом трагедии заставляет его столь тщательно следить за тем, чтобы в капеллу никто не входил по ночам?

Я вернулся к себе в комнату, умылся, побрился и оделся, а потом спустился вниз и попросил исполнявшего обязанности дворецкого слугу подать мне сэндвичей и чашку кофе.

Чуть погодя я самым быстрым шагом шел в Бертонтри, поскольку меня посетила идея, и я стремился как можно скорее проверить ее. Я оказался там чуть раньше половины девятого и обнаружил, что местный фотограф еще не приступал к работе, однако я не стал ждать и постучал; вскоре он появился в рубашке без сюртука – ясно было, что я оторвал его от завтрака. В нескольких словах я объяснил этому человеку, что мне немедленно нужна темная комната, и он тут же предоставил ее мне.

Я сразу занялся проявлением, но не отснятой пластинки, а той, которая оставалась в камере все время моего пребывания во тьме. Дело в том, что объектив при этом оставался

открытым, и вся солея находилась, так сказать, под наблюдением. Все ли вы знаете о моих экспериментах с фотографией в темноте... то есть в той темноте, какой она кажется человеческому взгляду? На мысль о таких экспериментах меня навели рентгеновские лучи, и в тот миг я испытывал еще не оформившуюся до конца надежду на то, что если в капелле находилось нематериальное создание, камера могла зафиксировать его изображение. Вот почему я следил за воздействием проявителя на пластинку с самым неподдельным и глубоким интересом.

Наконец я заметил проступившее на ней слабое черное пятно, следом за которым проявились другие – нечеткие и расплывчатые. Я поднес негатив к красной лампе. Пятна были разбросаны по всей пластинке, однако не складывались ни во что определенное; тем не менее, их появление весьма взволновало меня, и я вернул пластинку в проявитель. Несколько минут я наблюдал за ней, раз или два извлекая из раствора, чтобы внимательнее рассмотреть, однако так и не смог понять, какие очертания принимает изображение. И вдруг я заметил, что в одном из двух мест пятна как бы складываются в подобие кинжала, однако столь нечеткое, что в этом нельзя было быть уверенным. Тем не менее, сама идея, как вы можете представить, весьма взволновала меня. Я еще подержал пластинку в проявителе, а затем опустил ее в закрепитель и приступил к проявлению следующей. Процесс пошел, как положено, и очень скоро я получил отменный негатив, во всем аналогичный отснятому в предыдущий день – за исключением освещения. Я положил в закрепитель и эту пластинку, а потом быстро промыл обе и на десять или пятнадцать минут отправил в метиловый спирт, после чего отнес на кухню фотографа и просушил в печи.

Пока обе пластинки сохли, мы с фотографом отпечатали увеличенное изображение с пластинки, отснятой мной при дневном свете, а после поступили аналогичным образом с двумя только что проявленными и поскорее промыли и вынули отпечатки, так как меня не заботило их закрепление. Проделав это, я вынес отпечатки на свет и тщательным образом обследовал их, начиная с того, на котором угадывались смутные очертания кинжала; впрочем, глядя на увеличенный отпечаток, я не ощущал особенной уверенности в том, что не дал излишней воли своему воображению, позволив ему создать контуры оружия из расплывчатых пятен. С неким непонятным разочарованием я отложил снимок и принялся сравнивать два других.

С минуту я переводил взгляд с одного снимка на другой, не находя в них ни малейшего отличия, и вдруг меня словно током ударило: таковое нашлось! На втором снимке кинжала в ножнах не оказалось, хотя я был уверен в обратном.

После этого я начал сравнивать два снимка уже другим способом, пользуясь штангенциркулем и всюю напрягая внимание, и наконец обнаружил нечто, наполнившее меня волнением.

Заплатив фотографу, я взял три отпечатка под мышку, не дожидаясь, пока их упакуют, и поспешил назад в замок.

Оставив снимки у себя в комнате, я отправился на поиски сэра Альфреда, однако попавшийся мне навстречу мистер Джордж Джарнок сказал мне, что его отец слишком неважно себя чувствует, чтобы вставать, и при этом предпочтет, чтобы без него никто не входил в капеллу. Мистер Джордж принялся извиняться за, пожалуй, излишнюю осторожность отца, однако упомянул, что и до происшедшего несчастья сэр Альфред всегда проявлял подобную предосторожность и держал ключ при себе, никогда не позволяя отпирать дверь, кроме тех случаев, когда капелла использовалась по своему прямому назначению. Как сказал мне с кривой улыбкой молодой человек, нападение на дворецкого явным образом оправдало суеверное отношение сэра Альфреда к капелле.

Расставшись с молодым человеком, я взял свою копию ключа и направился прямо в капеллу, а потом, не забыв запереть за собой дверь, погрузился в чрезвычайно интересные и весьма хитроумные эксперименты. Они оказались настолько успешными, что я вышел из капеллы уже в легкой степени лихорадочного возбуждения. Я спросил, где находится мистер Джордж Джарнок, и мне ответили, что он пребывает в утренней гостиной.

– Пойдемте со мной, – проговорил я, выковыряв его из кресла. – Мне нужна ваша помощь.

Он явно был озадачен, однако пошел со мной, задавая на ходу вопросы, отвечать на которые я отказался, попросив его подождать несколько минут.

Я привел его в оружейную комнату, попросил взять с одной стороны манекен, облаченный в полный панцирь, а сам взялся за него с другой стороны. Мистер Джарнок повиновался, не скрывая явного недоумения, и мы направились к двери капеллы. Увидев ее открытой, он еще более удивился, однако не стал ничего говорить, ожидая моих пояснений. Я запер за нами дверь, и мы пронесли облаченный в панцирь манекен к дверце на солее.

– Назад! – крикнул я, заметив, что мистер Джордж собирается открыть дверцу. – Боже милостивый, не надо этого делать!

– Что делать? – спросил он, отчасти испуганный, отчасти раздраженный моими словами и действиями.

– Станьте сейчас в сторонку и смотрите! – сказал я, и он выполнил мое распоряжение. Взявшись за манекен, я развернул его лицом к алтарю, оставив непосредственно возле дверцы. А потом, отступив в сторону, наклонил манекен вперед, так что он прикоснулся к дверце и раскрыл ее. И в этот же самый миг жестокий удар отбросил громыхнувшую доспехами по каменному полу фигуру на середину прохода.

– Боже мой! – проговорил Джарнок испуганным тоном. – Кинжал! Так, значит, Паркер получил рану подобным образом!

– Да, – ответил я, заметив, что мой помощник бросил быстрый взгляд в сторону входной двери; однако, следует справедливости ради заметить, что он не стронулся с места ни на дюйм.

– А теперь подойдите ближе и посмотрите, как это было сделано, – сказал я, подводя его к поручню ограды. От стены, находившейся слева от алтаря, я опустил вниз длинный, украшенный любопытным орнаментом инструмент, несколько напоминавший короткое копьё. Заостренный конец его я вставил в отверстие в левом столбике дверцы, потянул, и часть столба, находившаяся сверху от пола, наклонилась к солее, словно бы на шарнире, оставив часть столбика стоящей. Когда подвижная часть опустилась еще ниже, часть пола отъехала в сторону, открывая длинную и узкую полость как раз по размеру столбика. Я опустил его в нишу, и что-то защелкнулось, задержав столб на месте. После этого я подошел к манекену и извлек из него кинжал. Взяв старый клинок, я поместил его рукоять в отверстие возле макушки столба, где он и остался стоять острием вверх. Потом я подошел к рычагу, и нажал еще раз, так что столб опустился примерно на фут к дну полости, также защелкнувшись там. Затем я убрал рычаг, и плита пола скользнула на место, закрывая столб и кинжал и ничем не отличаясь по виду от соседних плиток.

Потом я закрыл дверцу, и оба мы отступили вбок. Взяв похожий на копьё рычаг, я толкнул дверцу так, что она отворилась. Раздался глухой удар, и что-то пропело в воздухе, ударившись о боковую стену капеллы. Это и был кинжал. После этого я показал молодому Джарноку, что часть столбика возвратилась на место, и он обрел тот же вид, что и правый столб дверцы.

– Вот та невидимая тварь, которая мечет кинжал! – проговорил я, похлопав по столбу. – Но кто, скажите на милость, настораживает этот капкан?

И я многозначительно посмотрел на молодого человека.

– Ключ есть только у моего отца, – ответил он, – поэтому я не знаю, кто еще может воспользоваться им.

Я снова посмотрел на него.

– Послушайте-ка, мистер Джарнок, – произнес я, быть может, несколько более резким тоном, чем требовали мои слова. – Вы вполне уверены в том, что сэр Альфред находится... в здоровом состоянии духа?

Он посмотрел на меня с легким испугом и после недолгой паузы, чуть покраснев, промолвил:

– Я... я не знаю.

– Будьте откровенны, – посоветовал я. – Неужели вы не замечали за ним каких-нибудь странностей? Не опасайтесь меня.

– Ну что ж, откровенно говоря, временами мне казалось, что он действительно вел себя несколько... странновато, – признал он, – но я всегда пытался замять подобные случаи, особенно в присутствии чужих людей. Все-таки он – мой отец.

Я кивнул.

– Вы совершенно правы; и, на мой взгляд, нет никакой необходимости поднимать скандал по этому поводу... тем не менее, что-то сделать необходимо – без особого шума. Вам придется сходить к отцу и рассказать ему, что вы обнаружили составной столбик, и что я прикоснулся к нему.

Молодой Джарнок был весьма благодарен за совет и, с пылом пожав мне руку, взял мой ключ и направился прочь из капеллы. Вернулся он примерно через час, несколько более бледный, но внешне спокойный. Догадка моя оказалась справедливой. Действительно каждую ночь старый сэра Альфред настораживал этот капкан, узнав из какого-то старинного манускрипта о его существовании и устройстве. В прежние времена им пользовались для защиты золотых церковных сосудов, которые держали в потайной нише в задней части алтаря. Этой нишей сэра Альфред воспользовался для хранения драгоценностей своей жены, скончавшейся лет двенадцать назад... молодой Джарнок отмечал, что отец с той поры стал каким-то другим.

Я выразил недоумение в отношении того, что механизм был приведен в действие перед службой, во время которой получил ранение дворецкий; поскольку, если я правильно все понял, сэра Альфред имел привычку каждый вечер заново готовить свою ловушку и разряжать ее по утрам еще до того, как кто-нибудь войдет в капеллу. Мистер Джордж ответил мне, что его отец, должно быть, по забывчивости насторожил капкан слишком рано, и это едва не привело к трагедии.

Вот, собственно, и всё. Я не думаю, чтобы старый джентльмен действительно сошел с ума. Скорее причины всему нужно видеть в ипохондрии, постоянных размышлениях о смерти жены и в глубоком одиночестве. Молодой Джарнок рассказал мне, что отец его подчас проводил за молитвой в капелле долгие часы.

– Но вы так и не рассказали нам, каким образом вам удалось обнаружить секрет, – проговорил я от лица всех четверых слушателей.

– Ах, это! – произнес Карнакки. – Сравнивая фотоснимки, я обнаружил, что левый столбик у двери на снимке, полученном днем, кажется толще, чем на отснятом при свете вспышки. Это навело меня на мысль, что здесь следует поискать механическое устройство и не морочить себе голову никакими привидениями. Я принялся изучать столб и немедленно обнаружил причину. Это оказалось достаточно просто, как только я натолкнулся на правильный след... Кстати, – продолжил он, вставая и подходя к каминной доске, – возможно, вас заинтересует сам Горестный кинжал. Молодой Джарнок проявил любезность и подарил мне его в память о приключении.

Карнакки передал кинжал нам и, пока мы разглядывали его, набил и раскурил трубку, не забыв предупредить между затяжками, чтобы мы ни в коем случае не предавали историю огласке.

– Видите ли, – сказал он, – мы с молодым Джарноком привели механизм в нерабочее состояние, и я увез с собой кинжал, так что всю историю можно спокойно замять, особенно потому, что дворецкий уже на ногах. Однако, – продолжил Карнакки с суровой улыбкой, – на мой взгляд, капелла не должна расстаться со своей репутацией опасного места... не правда ли? Такого, чтобы в нем можно было хранить драгоценности. Что касается старого сэра, я

порекомендовал, чтобы к нему приставили надежного слугу. Это самое лучшее, что можно сделать в такой ситуации.

– Однако, Карнакки, вы еще не ответили на два вопроса, – заметил я. – Что, по вашему мнению, вызвало два металлических звука, которые вы слышали, находясь в темной капелле? И те негромкие шаги – вы считаете их настоящими или порожденными вашей напряженной фантазией?

– Насчет звяканья не могу сказать ничего определенного, – ответил он. – Оно приводит в недоумение и меня самого. Могу только предположить, что это чуть подалась приводящая в движение столбик пружина. Поскольку к ней было приложено изрядное усилие, она действительно могла бы стать источником металлического звука. А всякий негромкий звук далеко слышен в полной темноте, когда посреди ночи ты думаешь о... привидениях. Надеюсь, вы согласитесь со мной?

– Да, – сказал я. – А как насчет прочих звуков?

– Ну что ж, их можно объяснить тем же самым, то есть чрезвычайной тишиной. Это могли быть вполне обыкновенные звуки, которые при обычных условиях так и остались бы незамеченными... или порождения моей фантазии. Не рискну утверждать наверняка. Что касается шелеста, я почти уверен в том, что его произвела соскользнувшая ножка треноги моего аппарата, и если она чуть поехала, то при этом могла свалиться и крышка объектива, которая, конечно, стукнулась бы при этом об пол. Во всяком случае, в таком объяснении я попытался уверить себя самого.

– А кинжал был на месте в ту ночь, когда вы впервые вошли в капеллу? – поинтересовался я.

– Нет, я принял крестообразные ножны за само оружие.

Я кивнул.

– А теперь, ребята, – проговорил Карнакки, – выметайтесь: я хочу спать.

Мы поднялись, обменялись с хозяином рукопожатиями и вышли в ночь, направляясь по домам; и по пути каждый из нас размышлял об услышанной странной истории, ибо воистину каждая непридуманная повесть необыкновенна! Совершенно необыкновенна!

Врата Чудовища

Согласно обыкновению, получив от Карнакки открытку с приглашением явиться к обеду и выслушать новую историю, я поспешил явиться в дом № 427 по Чейни Вок и обнаружил, что трое других его приятелей, которых всегда приглашали на эти увлекательные встречи, уже там. По прошествии каких-то пяти минут Карнакки, Аркрайт, Джессоп, Тейлор и я уже приступили к неизменно приятному занятию – обеду.

– Похоже, на сей раз вы отсутствовали недолго, – заметил я, доедая суп и на мгновение позабыв о том, что Карнакки терпеть не может даже самых поверхностных расспросов на тему предстоящего рассказа – до тех пор, пока сам не приготовится к нему. Тогда он не будет цедить слова.

– Недолго, – бросил он короткую реплику, и я переменял тему, заметив, что покупаю очередное ружье, на каковую новость он отозвался вполне разумным кивком и улыбкой, в которой я усмотрел одобрение предпринятой мной преднамеренно смены темы разговора.

Когда обед завершился, Карнакки с трубкой в руке уютно устроился в своем объемистом кресле и уже без всяких предисловий приступил к рассказу.

– Как недавно подметил Доджсон, я отсутствовал недолгое время и по вполне разумной причине – поездка моя оказалась на сей раз недалеко. Боюсь, что точный адрес мне называть не следует, однако место это находится менее чем в двадцати милях отсюда, и если переменить имя, истории это не испортит. И какой истории! Одной из наиболее странных среди тех, на которые мне когда-либо приходилось наталкиваться.

Пару недель назад я получил письмо от человека, – назовем его Андерсоном, – попросившего меня о встрече. Я назначил ему время. Когда мой гость пришел, оказалось, что он хочет, чтобы я провел расследование и выяснил, что можно сделать с застарелым – и слишком похожим на правду – случаем того, что по его определению называлось словом «наваждение». Он предоставил мне все необходимые подробности, и, поскольку случай явно собирался стать уникальным, я решил взяться за дело.

Через два дня, вечером, я подъехал к дому. Сооружение выглядело весьма старым и располагалось особняком, на собственных землях. Оказалось, что Андерсон оставил у дворецкого письмо с извинениями за собственное отсутствие, предоставляя тем самым дом в мое распоряжение, дабы способствовать расследованию. Дворецкий определенно знал о цели моего визита, и я старательно порасспросил его за обедом, который пришлось вкушать в одиночестве. Этот старый привилегированный слуга знал историю Серой комнаты во всех деталях.

От него я подробнее узнал о двух вещах, о которых Андерсон упомянул лишь мимоходом. Во-первых, оказалось, что в середине ночи слышно, как дверь Серой комнаты распаивается и громко хлопает, причем даже в тех случаях, когда дворецкому точно известно о том, что она заперта, и ключ от нее висит на кухне, вместе со всей связкой. Во-вторых, выяснилось, что постельное белье всякий раз оказывается сорванным с кровати на пол и скомканным в углу комнаты.

Однако старика-дворецкого смущала в первую очередь дверь. Много раз, по его собственным словам, он лежал, не смыкая глаз и сотрясаясь от страха, заслышав громкое хлопанье двери, гулко ударявшей раз за разом так, что уснуть было просто невыносимо.

От Андерсона я уже знал, что история комнаты уходит в прошлое более чем на сто пятьдесят лет. В ней задушили троих – хозяина дома, одного из предков Андерсона, и жену его вместе с ребенком. Факт этот действительно имел место, как мне удалось с большими трудами выяснить; поэтому, как вы можете представить себе, ощущая, что мне предстоит удивительное дело, после обеда я отправился наверх – взглянуть на Серую комнату.

Старик-дворецкий, которого звали Питером, пришел в изрядное волнение, услышав о моем намерении, и с великой торжественностью попытался заверить меня в том, что за те двадцать лет, что он работает в доме, никто и никогда не дерзал входить в эту комнату после наступления темноты. Он с отеческой заботой попросил меня подождать до утра, когда не будет настолько опасно, и когда сам он сможет сопровождать меня.

Я, конечно, ответил ему улыбкой и попросил не беспокоиться обо мне. Пояснил, что просто осмотрюсь и, быть может, поставлю несколько печатей, и сказал, что волноваться не о чем, так как я человек привычный к подобного рода вещам. Но, услышав такие слова, он только покачал головой.

– Сэр, таких призраков, как у нас, на свете немного, – заверил он меня со скорбной гордостью и, клянусь Юпитером, оказался прав, как вы еще сами увидите.

Я взял с собой пару свечей, и Питер, гремя ключами, последовал за мной. Он отпер дверь, но не стал входить. Дворецкий явно был испуган и повторил свою просьбу перенести обследование на утро, когда рассветет. Я только усмехнулся и предложил ему стать возле двери и ловить там то, что может попытаться выскочить из комнаты.

– Оно никогда не выходит наружу, сэр, – проговорил он в своей забавной старинной и торжественной манере.

Тем не менее, дворецкий заставил меня ощутить, что ужас уже ждет меня за дверью. В любом случае таково было его собственное мнение.

Оставив его у двери, я принялся обследовать комнату. Помещение оказалось просторным и обставленным достаточно пышно; изголовьем к дальней стене стояла огромная кровать с балдахином на четырех столбиках. На каминной доске и на каждом из трех оставленных в комнате столов находились по две свечи. Я зажег их, и после этого царившая в комнате бесчеловечная скука несколько отступила; хотя имейте в виду, что воздух в ней оказался свежим, и все вокруг было аккуратнo прибрано.

Как следует оглядевшись, я принялся протягивать поперек окон, картин и камина, вдоль стен и поперек стеновых шкафов принесенные с собой ленточки. Все время, пока я работал, дворецкий стоял за дверью, и я никак не мог уговорить его войти внутрь, хотя и подшучивал над ним, перемещаясь по комнате. Он же то и дело повторял: «Простите меня, сэр, но я прошу вас выйти наружу. У меня вся душа трясется за вас».

Я сказал ему, что он может больше не ждать меня; однако Питер проявил верность тому, что считал своим долгом, и ответил, что не может уйти и оставить меня здесь в одиночестве.

Невзирая на все извинения, он дал понять, что я не осознаю всей степени опасности, которой подвергаю себя; его испуг был, можно сказать, замечен невооруженным глазом. Тем не менее, я должен был обработать комнату таким образом, чтобы знать, входило ли в нее нечто материальное; поэтому я попросил его не беспокоить меня попусту, пока он не заметит и не услышит чего-либо. Причитания дворецкого уже начинали действовать мне на нервы, да и сама комната производила достаточно скверное впечатление, которое незачем было ухудшать еще больше.

Какое-то время я натягивал ленты поперек пола и крепил так, чтобы их оборвало даже легкое прикосновение в том случае, если кто-то ввалится в комнату впотьмах, чтобы разыграть меня. Занятие это потребовало больше времени, чем я предполагал; и тут вдруг до слуха моего донесся бой часов, прозвонивших одиннадцать вечера. Приступив к работе, я снял сюртук и теперь, практически уже закончив с делами, подошел к канапе, на котором его оставил, и взял сюртук в руки. И тут старый дворецкий, который за последний час не проронил ни слова, вдруг произнес встревоженным и резким тоном:

– Скорей выходите оттуда, сэр! Сейчас что-то произойдет!

Боже мой! Я просто подскочил на месте, и тут, в это же самое мгновение, одна из свечей, стоявших на левом от меня столике, погасла. Не знаю, погасил ли ее ветер или что-то другое,

но на мгновение я испугался настолько, что едва не бросился бегом к двери; впрочем, могу с удовольствием отметить, что взял себя в руки прежде, чем сошел с места. Попросту говоря, я не мог вылететь из двери бегом после того, как прочитал остававшемуся возле нее дворецкому лекцию на тему, что надо-де быть храбрым. Поэтому я просто повернулся на месте, снял с каминной доски две свечи и подошел к столику, стоявшему возле постели. Ничего не увидев, я задул ту свечу, которая еще горела, а потом подошел к остававшимся на других столах и тоже погасил их. В этот миг стоявший за дверью старик вновь воскликнул:

– О, сэръ, скорее! Я же сказал вам!

– Сейчас, Питер, – отозвался я, и, ей-богу, голос мой был не столь спокойным, как мне хотелось бы! Я наконец направился к двери, и мне пришлось изрядно постараться, чтобы заставить себя не побежать, но шаги мои, как вы можете себе представить, сделались весьма длинными. Возле двери мне вдруг показалось, что по комнате прошло дуновение холодного ветра. Ну, как если бы в комнате вдруг приоткрыли окно. Я уже был около двери, и старик-дворецкий инстинктивно отшатнулся на шаг.

– Возьмите свечи, Питер! – достаточно резким тоном скомандовал я и ткнул подсвечник ему в руки. Обернувшись, я вцепился в ручку и резким движением захлопнул дверь. Знаете, в это самое мгновение мне показалось, что нечто мешает мне это сделать; однако, возможно, это было только моей фантазией. Я повернул ключ в замке, повторив это движение еще раз, чтобы надежнее запереть его. Ощувив некоторое облегчение, я опечатал дверь, а напоследок приложил к замочной скважине мою карточку и прикрепил ее там, после чего опустил ключ в карман и направился вниз. Питер, взволнованный и молчаливый, шел первым. Бедный старик! До этого мне даже не приходило в голову, что за последние два-три часа ему пришлось изрядно натерпеться.

Я отправился спать около полуночи. Моя комната находилась в конце коридора, в который выходила и Серая комната. Сосчитав двери, я установил, что нас разделяют пять комнат. Конечно же, вы понимаете, что я вовсе не был опечален этим обстоятельством. Потом, когда я уже начал раздеваться, мне в голову пришла удачная мысль, и, взяв свечу и воск, я опечатал двери всех пяти комнат. Если ночью начнет хлопать хотя бы одна из них, я сразу пойму, какая именно. Сделав так, я вернулся в свою комнату, запер дверь и лег спать.

От глубокого сна меня пробудил донесшийся из коридора громкий треск. Я сел в постели и прислушался, но ничего не услышал и зажег свечу. И в этот самый момент из коридора донесся громкий стук захлопнувшейся двери. Выскочив из постели, я схватил револьвер и, отперев дверь, выглянул в коридор, приподнимая свечу повыше и держа оружие наготове. А потом со мной произошло нечто странное: я не мог сделать даже шага к Серой комнате. Вам известно, что я далеко не трус: слишком уж часто мне приходилось иметь дело с призраками, чтобы меня можно было обвинить в этом. Однако скажу честно, в тот миг я откровенно струсил, струсил, как мальчишка, поскольку в коридоре явно сквозила какая-то дьявольщина. Вбежав назад в свою комнату, я захлопнул дверь и запер ее, а потом всю ночь просидел на постели, прислушиваясь к зловещему хлопанию двери в коридоре. Эхо этого звука, казалось, гуляло по всему дому.

Наконец стало светать, и я умылся и оделся. Дверь не хлопала уже почти час, так что я вновь обрел уверенность в себе. Мне было стыдно за собственное поведение, хотя это в известной мере было глупо: имея дело с вещами подобного рода, рано или поздно все равно теряешь самообладание, и тогда остается только сесть где-нибудь и до самого утра называть себя трусом. Подчас в этом, на мой взгляд, кроется нечто большее, чем осторожность. Нечто как бы предупреждает тебя и борется, стараясь тебя выручить. Но, тем не менее, после подобных мгновений я всегда кажусь себе жалким ничтожеством.

Когда достаточно рассвело, я открыл дверь и, держа пистолет наготове, крадучись направился по коридору. Мне пришлось идти мимо лестницы, и кого же я увидел на ней? Конечно

же старого дворецкого с чашкой кофе в руке. Он только заправил в брюки ночную рубашку и вставил ноги в шлепанцы.

– Привет, Питер! – сказал я, ощутив внезапный прилив бодрости: увидев рядом с собой живого человека, я почувствовал себя истинно счастливым. – Куда же вы запропастились с завтраком?

Дворецкий вздрогнул и пролил немного кофе, а когда он обратил ко мне лицо, и я заметил, как старик побледнел и осунулся. Поднявшись по лестнице, Питер протянул мне небольшой поднос.

– Я подлинно счастлив, сэ, видеть вас в добром здравии, – сказал он. – Я даже опасался одно время, что вы рискнете войти в Серую комнату, сэ. Я пролежал без сна всю ночь, прислушиваясь к хлопанью двери, а когда рассвело, подумал, что неплохо бы принести вам чашечку кофе. Конечно, вы захотите осмотреть все печати, и, на мой взгляд, безопаснее это делать вдвоем, сэ.

– Питер, – сказал я, принимая кофе, – вы молодчина. Очень любезно с вашей стороны. Выпив кофе, я передал ему назад поднос и сказал:

– Пойдемте. Я намереваюсь посмотреть, что там натворили эти чудища. Ночью мне просто не хватило отваги.

– Весьма благодарен, сэ, – ответил он. – Плоть и кровь бессильны против бесов, сэ, а ведь именно они посещают Серую комнату после наступления темноты.

Я осмотрел печати на всех дверях и нашел их в полном порядке, однако на двери в Серую комнату печать была сломана, хотя карточка моя оставалась на замочной скважине. Сорвав ее, я отпер дверь и вошел внутрь – достаточно осторожно, как вы можете себе представить; однако во всей комнате не было ничего такого, что могло бы испугать меня... И потом она была буквально залита светом. Я проверил все натянутые мной ленты – потревоженных не обнаружилось. Старый дворецкий последовал за мной, а потом вдруг воскликнул:

– Постельное белье, сэ!

Я подбежал к постели и увидел, что все белье скомкано и лежит в углу слева от кровати. Боже, вы и представить не можете, насколько странно это было! И так, нечто все-таки побывало в этой комнате. Я не сразу подошел к лежавшим на полу простыням. У меня не было никакого желания прикасаться к ним, как, впрочем, и к самой постели. Старина Питер, однако, не испытывал подобного стеснения. Он нагнулся к покрывалам, собираясь поднять их, как, вне всякого сомнения, делал каждый день все эти двадцать лет, но я остановил его. Не следовало ничего трогать, пока я не закончил свое обследование. На него я и потратил, наверное, целый час, а потом позволил Питеру застелить постель. Потом мы вышли наружу, и я запер дверь. Клянусь, эта комната начинала действовать мне на нервы.

Я немного прошелся и позавтракал, после чего ощутил себя более или менее в своей тарелке и вернулся в Серую комнату. С помощью Питера и одной из служанок я убрал из комнаты все вещи, кроме постели, – даже картины, а потом, вооружившись щупом, молотком и увеличительным стеклом, обследовал все стены, пол и потолок, но не обнаружил ничего подозрительного. Уверяю вас, тогда я действительно начал понимать, что в прошлую ночь в комнате бушевала некая немислимая тварь. В итоге я вышел, как и прежде заперев и запечатав дверь.

После обеда мы с Питером распаковали часть моего багажа, и я разместил свою камеру вместе с фотовспышкой против двери Серой комнаты, привязав веревочку от спуска вспышки к рукоятке двери так, чтобы вспышка сработала, если дверь действительно откроется, и тем самым наутро даровала бы мне загадочный предмет для исследования. Перед уходом я снял колпачок с объектива, а после отправился в свою спальню, в постель, потому что намеревался встать в полночь; чтобы не пропустить подъем, я поставил на это время свой небольшой будильник... и не стал гасить свечу.

Часы разбудили меня точно в двенадцать; я встал, надел халат и шлепанцы и, переложив револьвер в правый боковой карман, открыл дверь комнаты, после чего зажег ночник и отодвинул задвижку, чтобы он светил ярче. Потом я вышел в коридор и, пройдя около тридцати футов, поставил ночник на пол, обратив его открытой задвижкой в сторону от себя, чтобы видеть все, что могло появиться в темном коридоре. Вернувшись назад, я сел в дверях своей спальни, взяв револьвер на изготовку и не отводя взгляда от камеры, оставленной напротив двери Серой комнаты.

По-моему, я просидел так около полутора часов, когда вдруг услышал в конце коридора слабый шорох. Я немедленно ощутил затылком странное покалывание, и руки мои чуть вспотели. В следующее мгновение короткая вспышка света залила коридор. Потом наступила тьма, и я стал нервно вглядываться в коридор, внимательно вслушиваясь и пытаюсь понять, что может прятаться за огоньком моего ночника, казавшегося теперь таким тусклым по сравнению с недавней вспышкой фотоаппарата. Я склонился вперед, вглядываясь и прислушиваясь, и тут что-то грохнуло в дверь Серой комнаты. Звук наполнил собой просторный коридор и гулким эхом загулял по всему дому. Признаюсь, ощущение было жутким – кости мои словно бы превратились в воду. Ужасное чувство. Боже, как я вглядывался и как слушал! А потом снова послышалось – стук, стук, стук, и вдруг наступила тишина, едва ли не худшая, чем стук в дверь, ибо мне уже чудилось, как нечто страшное украдкой приближается ко мне по коридору. И вдруг лампа моя погасла, так что я не мог видеть даже на ярд перед собой. Осознав, что продолжать сидеть в такой ситуации весьма глупо, я вскочил, и в этот миг мне показалось, что где-то совсем рядом что-то скрипнуло. Одним прыжком отступив в комнату, я захлопнул и запер дверь и сел на свою постель. В руке моей был револьвер, показавшийся в тот миг удивительно бесполезной вещью. Я ощущал, что с противоположной стороны двери что-то находится. По неведомой причине мне было известно, что это самое прижимается к двери и что оно мягкое... так мне казалось – необычайно удивительное ощущение.

Наконец я более-менее взял себя в руки, поспешно начертил мелом пентаграмму на полированном полу и просидел в ней почти до рассвета. И все это время в другом конце коридора дверь Серой комнаты содрогалась в торжественном и жутком ритме. Что и говорить, дрянная выдалась ночь.

Когда забрезжил рассвет, стук в дверь постепенно смолк; собрав всю свою храбрость, я в полутьме направился в дальний конец коридора, чтобы прикрыть объектив камеры. Признаюсь честно, этот поступок дался мне с трудом, но если бы я не поторопился, снимок был бы испорчен, а мне уже не терпелось взять его в руки. Вернувшись к себе, я стер с пола пятиконечную звезду, внутри которой сидел.

По прошествии получаса в мою дверь постучали: то явился с кофе Питер. Когда я покончил с напитком, мы оба отправились к Серой комнате. По пути я осмотрел печати на других дверях, но они остались нетронутыми – в отличие от той, что я оставил на двери Серой комнаты. Оказалась разорванной и веревка, привязанная к спуску вспышки, однако прикрывавшая замочную скважину карточка по-прежнему оставалась на месте. Сорвав ее, я открыл дверь. Внутри комнаты ничего необычного не обнаружилось, пока мы не подошли к постели; тут я увидел, что, как и в прошлый раз, постельные принадлежности сорваны и брошены в левый угол, – в точности туда, где я их видел вчера. Меня охватило очень странное чувство, однако я не забыл проверить все печати и обнаружил, что ни одна из них не была нарушена.

Тут я повернулся и посмотрел на старину Питера, а он ответил мне взглядом и кивнул.

– Давайте выйдем отсюда! – проговорил я. – Живой человек не должен входить в эту комнату без должной защиты.

Мы вышли, и я вновь запер и опечатал дверь.

После завтрака я проявил негатив, однако на нем оказалась только полуоткрытая дверь в Серую комнату. После этого я вышел из дома, поскольку мне нужно было обзавестись кое-чем

необходимым для плоти, а может, и для духа, ибо я намеревался провести следующую ночь в Серой комнате.

Назад я вернулся в кебе, около половины шестого, со всем снаряжением, которое мы с Питером занесли наверх в Серую комнату, где я сложил все посреди пола. Когда все вещи оказались внутри – включая прихваченного мной кота в корзине, – я запер и запечатал комнату и отправился к своей спальне, сообщив Питеру о том, что не спущусь к обеду. Сказав «Да, сэр», старик отправился вниз по лестнице, явно полагая, что я останусь в спальне, чего я и добивался, прекрасно понимая, что он только извел бы и себя, и меня своими тревогами, если бы знал мои истинные намерения.

Однако я только захватил из спальни фотокамеру и вспышку и поспешил назад в Серую комнату. Запершись в ней, я взялся за работу, поскольку до наступления темноты мне предстояло сделать многое.

Сперва я убрал все протянутые мной поперек пола ленты, отнес к дальней стене кота в завязанной корзинке и оставил его там. Вернувшись на середину комнаты, я отмерил пространство поперечником в двадцать один фут и подмел его веничком из иссопа. Потом очертил его мелом, стараясь не переступить через линию. Меловую черту с внешней стороны я обвел раздавленным чесноком из прихваченной мной связки и, завершив это дело, извлек из груды моих припасов небольшой флакон с некоей водой. Сорвав пергаментную бумагу, я извлек пробку и, окунув в воду указательный палец левой руки, отправился вдоль черты, оставляя на полу внутри меловой линии цепочку Вторых Знаков ритуала Саамаа, тщательно соединяя знаки обращенным влево полумесяцем. Признаюсь вам, что, завершив наконец свой водяной круг, я почувствовал себя намного спокойнее. Потом я распаковал кое-что из принесенного снаряжения, поставил по горящей свече во впадину каждого полумесяца и начертил пентаграмму так, чтобы каждая из пяти вершин защитной звезды касалась мелового круга. В каждую из вершин пентаграммы я поместил по куску завернутого в полотно хлеба, а в пяти внутренних углах ее – пять открытых кувшинчиков с водой, которой наносил водяной круг. Теперь первый мой защитный барьер был завершен.

Любой из тех, кто не знает ничего о моих методах расследования, счел бы все сделанное мной бесполезным и глупым суеверием; однако все вы, конечно, прекрасно помните дело Черной Вуали, при расследовании которого жизнь мою спас примерно такой же способ защиты, в то время как Астер, насмеявшийся надо мной и не пожелавший вступить внутрь пентаграммы, погиб. Я почерпнул идею из «Манускрипта Зигзанда», написанного, насколько мне удалось понять, в четырнадцатом веке. Сперва я естественным образом посчитал, что имею дело с обычным проявлением суеверий того времени, и только через год мне пришлось в голову опробовать эту защиту – как я и поступил в жутком деле Черной Вуали. Вы знаете все его подробности. Впоследствии я воспользовался этим способом несколько раз и неизменно выходил сухим из воды вплоть до дела Движущегося Мха. Там моя защита оказалась пригодной только частично, и я едва не умер внутри Пентакля. После этого я узнал об экспериментах, которые профессор Гардерс проводил с медиумом. Когда медиума окружали заключенным в вакуум током, он терял всю свою силу – словно бы его отрезали от нематериального мира. Это заставило меня глубоко задуматься, и таким именно образом я пришел к созданию Электрического Пентакля – чудеснейшей защиты от явлений определенного рода. Для этого я воспользовался очертаниями защитной звезды, поскольку лично не сомневаюсь в том, что старинная магическая фигура обладает чрезвычайными достоинствами. Забавно, что в двадцатом веке приходится признавать это, не правда ли? Однако, как вы все знаете, я никогда не позволял и не позволю себе поддаться приступу дешевого веселья. Я задаю вопросы и держу глаза открытыми.

В этом последнем деле я нисколько не сомневался, что наткнулся на сверхъестественное чудовище, и потому намеревался соблюдать всяческую осторожность, ибо беспечность в таких делах ни в коей мере не допустима.

Далее я занялся подключением Электрического Пентакля, располагая его так, чтобы каждая из его вершин и впадин в точности совпадала с вершинами и впадинами нарисованной на полу пентаграммы. Затем я подсоединил батарею, и в следующее мгновение цепочка соединенных вакуумных трубок вспыхнула голубым светом.

Я огляделся с легким вздохом облегчения и вдруг понял, что наступают сумерки, и серое окно неприветливо смотрит на меня. И тут, оглядев просторную и пустую комнату поверх двойного барьера электрического света и огоньков свечей, я вдруг ощутил нечто странное и потустороннее – некое нечеловеческое присутствие, внезапно наполнившее собой воздух. В комнате повеяло давленным чесноком, запах которого я ненавижу.

Далее я занялся фотокамерой, проверив заодно и вспышку и, наконец, осторожно опробовал револьвер; хотя я и весьма сомневался, что он мне понадобится, но кто сумеет сказать наперед, в какой степени материальным может оказаться при благоприятных условиях сверхъестественное создание? Я же не имел ни малейшего представления о том, какую жуткую тварь мне предстоит увидеть, чье страшное присутствие ощутить. В конечном итоге меня могло ожидать сражение с материализовавшимся чудовищем. Так что, не зная заранее, я вынужден был готовиться ко всему. В конце концов, разве я мог забыть, что в находившейся рядом со мной кровати были задушены трое людей... и о тех жутких стуках, которые слышал собственными ушами. У меня не было ни малейшего сомнения в том, что я расследую опасное и неприглядное дело.

Тем временем наступила ночь, и хотя комната была залита светом свечей, я заметил, что то и дело оглядываюсь и обвожу взглядом все помещение. Неприятное это дело – ждать появления подобного гостя. А потом я вдруг ощутил, как из-за моей спины подул холодный ветерок. Я не мог сдержать дрожи, по затылку пробежали мурашки. Неловко повернувшись, я заставил себя поглядеть в ту сторону, откуда дул странный ветер. Он как будто бы исходил из угла комнаты слева от кровати – того самого места, где я оба раза находил кучу смятых простыней. И все же я не видел ничего необычного, даже отверстия – ничего!..

Внезапно я почувствовал, что язычки пламени над свечами затрепетали под этим неестественным дуновением... Должно быть, несколько минут я просто сидел как каменный и смотрел вперед полным страха взглядом. Наверное, мне никогда не удастся передать, насколько жутко, насколько кошмарно было сидеть под этим злобным, холодным ветром! А потом – раз! раз! раз! – одна за другой погасли все свечи внешнего барьера, и я оказался запертым в запечатанной комнате без какого бы то ни было освещения, если не считать слабой голубой полоски Электрического Пентакля.

Время напряженно застыло, ветер все дул и дул на меня, а потом я вдруг понял, что в левом углу комнаты, за кроватью, что-то шевельнулось. Я ощутил это скорее некоторым внутренним, неведомым самому себе чувством, чем зрением или слухом, ибо бледная и неяркая полоска Пентакля не могла создать достаточного освещения. И, тем не менее, нечто начало неторопливо сгущаться в моем поле зрения – движущаяся тень, чуть более темная, чем окружающий мрак. Тварь растворялась во тьме, и пару мгновений я только озирался по сторонам, ощущая свежую, подступающую опасность. Потом мое внимание обратилось к постели. Все белье и покрывала, что были на ней, неторопливо, крадучись, с жуткой равномерностью поползли прочь. Тихо шелестела сползавшая ткань, однако я совершенно не видел того, кто приводил ее в движение. Непостижимым, подсознательным, обращенным внутрь себя образом я ощущал приближение ужаса; и все же ум мой был спокойнее, чем несколько мгновений назад; в достаточной мере для того, чтобы ощутить, как взмокли мои ладони, и полуосознанно крута-

нуть барабан револьвера, досуха вытирая при этом правую ладонь об колено и ни на мгновение не отводя взгляда от этих медленно ползущих покрывал.

Однако негромкий шумок на постели прекратился, наступила полнейшая тишина, когда слышен был только стук моей крови в висках. А потом вновь зашуршали стягиваемые с постели покрывала. Ощущая нервное напряжение, я вспомнил про фотокамеру и потянулся за ней, не отводя, впрочем, взгляда от постели. И тут, знаете ли, буквально в мгновение все покрывала слетели с кровати и глухо шлепнулись в угол.

Быть может, на пару минут настала абсолютная тишина. Можете себе представить мои переживания? Постельное белье было отброшено с невероятной силой! Потусторонняя тварь явила передо мной свою сверхъестественную свирепость!

Внезапно возле двери послышался слабый шум... что-то треснуло, донесся звук одного или двух шагов. Волна страха прокатилась по моему позвоночнику и затылку, ибо наложенная на дверь печать оказалась сломанной, а по другую ее сторону находилось нечто. Я не видел дверь, то есть, не могу сказать, что непосредственно видел, и что являло моему зрению воображение. Я различил это только как продолжение серой стены... А потом мне показалось, что среди теней шевельнулось нечто темное и едва различимое.

Ощувив, что дверь начала открываться, я сделал над собой усилие и вновь протянул руку к фотокамере; однако, прежде чем я успел повернуть ее к двери, последняя захлопнулась со страшным грохотом, наполнившим комнату гулкими отголосками. Я подскочил на месте, словно испуганное дитя. За грохотом угадывалась своенравная и огромная Сила. Вы понимаете меня?

К двери более не прикасались, но сразу же после этого скрипнула корзинка, в которой лежал кот. Истинно скажу вам: на спине моей все волоски стали дыбом. Я понял, что вот-вот доподлинно узнаю, опасно ли для жизни то, что бродит сейчас по комнате. Вдруг кот испустил жуткий вопль, разом прервавшийся; а потом – слишком поздно – я включил вспышку и в свете ее заметил, что корзинка лежит на боку, крышка открыта, а тело кота наполовину вывалилось из нее на пол. Более ничего мне различить не удалось, однако же и этого было достаточно, чтобы понять: разгуливавшее в комнате существо или тварь обладает губительной силой.

На последующие две-три минуты в комнате воцарилась странная тишина, и поскольку я понятным образом был ослеплен вспышкой, все за пределами Пентакля заливала угольная тьма. Настало самое страшное мгновение. Стоя на коленях внутри звезды, я поворачивался на месте, стараясь рассмотреть то, что приближается ко мне.

Зрение понемногу возвращалось, я взял себя в руки и вдруг увидел эту тварь вблизи водяного круга. Большая и расплывчатая, она любопытным образом шевелилась на самой грани барьера, подобно повисшей в воздухе тени громадного паука. Торопливо обходя круг, тварь явно пыталась найти доступ внутрь, но то и дело отшатывалась, словно живое создание, прикоснувшееся к раскаленному железу.

Снова и снова обходила она периметр, снова и снова я поворачивался следом за нею. Наконец она остановилась напротив одной из впадин между лучами звезды, как бы собираясь с силами перед рывком, отступила за пределы свечения вакуумных трубок, а потом бросилась прямо на меня, явным образом обретая при этом форму и твердость. Движением управляла грозная и злая решимость, не сомневавшаяся в успехе.

Стоя на коленях, я откинулся назад, припав на левую руку и бедро в отчаянной попытке избежать натиска приближавшейся твари, а правой рукой пытался нащупать выпавший револьвер. Жуткая тварь одним движением перемахнула через чесночную и водяную преграды, приблизившись к самой впадине Пентакля. Кажется, я закричал. А потом тварь отступила – столь же внезапно, как и приблизилась, – но на сей раз казалось, что ее отбросила некая могущественная и невидимая сила.

Прошло, должно быть, несколько мгновений, прежде чем я осознал, что нахожусь в безопасности, скрючившись в самой середине Пентаклей и ощущая жуткую пустоту и потрясение. Я вновь и вновь обращал свой взгляд к барьеру, однако тварь исчезла.

Тем не менее, мне удалось кое-что выяснить, ибо теперь я знал, что Серую комнату посещает чудовищная призрачная рука.

Приглядываясь к моей ограде, я вдруг заметил то, что едва не позволило чудовищу прорвать барьер. Двигаясь внутри Пентакля, я, должно быть, прикоснулся к одной из площадок с водой, ибо как раз там, где тварь совершила свое нападение, кувшинчик, охранявший впадину, был сдвинут к одной стороне, оставляя таким образом приоткрытой одну из пяти дверей. Торопливым движением я вернул его на место, вновь ощутив себя в безопасности, так как причина была найдена и ограда моя оставалась надежной. Я вновь обрел надежду на то, что все-таки увижу рассвет. После того как тварь едва не добилась успеха, мной овладело достойное сожаления ощущение собственной слабости, твердившее, что никакие барьеры не смогут оградить меня от подобной Силы. Можете ли вы понять меня?

Долгое время я не мог заметить призрачную руку, но, наконец, как будто бы раз или два различил слабое колыхание посреди теней, окружавших дверь. Чуть погодя невидимое нечто подняло трупик кота и в порыве злобной ярости принялось с глухим и мерзким звуком колотить им в закрытую дверь. Странное было впечатление.

Минуту спустя открылась дверь и дважды хлопнула с большой силой. В следующее мгновение исполненная ярости тварь метнулась ко мне из теней. Инстинктивным движением я бросился вбок, сняв при этом руку с Электрического Пентакля, на который опустил ее в миг прискорбной неосторожности. Близость обоих Пентаклей отбросила чудовище, хотя по моей собственной глупости оно вновь получило возможность пройти внешние барьеры. Признаюсь, что какое-то время просто дрожал от страха. Я вновь постарался устроиться в самой середине Пентаклей, встав на колени и стараясь занимать там как можно меньше места.

В этот момент я задумался о природе обоих случаев, едва не позволивших твари добраться до меня. Не оказывает ли она воздействие на меня, вынуждая к произвольным, ошибочным движениям, ставящим меня под угрозу? Мысль эта захватила меня, и я стал следить за каждым своим движением. И тут, распрямив усталую ногу, я коснулся одной из площадок с водой. Некоторое количество ее пролилось, однако благодаря своей наблюдательности я сумел исправить положение и вовремя вернуть кувшинчик на место. Тем не менее, в этот самый миг наполовину материализовавшаяся огромная черная рука ударила из теней едва ли мне не в лицо – так близко от меня она оказалась, – но и в третий раз была отброшена назад некой колоссальной, всевластной силой. И все же помимо растерянности и испуга, в который на миг повергло меня это нападение, я ощутил недолгое прикосновение духовной дурноты, как если от меня была отъята доля тонкой и прекрасной внутренней благодати. Такое можно ощутить только при излишнем приближении к чему-то нечеловеческому. Станным образом это чувство было гораздо более ужасным, чем любая физическая боль, которую можно вытерпеть. Осознав по этому признаку степень и близость опасности, я на долгое время погрузился в уныние, вызванное жестоким и тупым воздействием этой Силы на мой дух. Не могу выразить эту мысль иными словами.

Я вновь опустил на колени в середине Пентаклей, едва ли не с большим страхом приглядываясь к себе самому, чем к чудовищу. Мне стало понятно, что если я не сумею охранить себя от внезапно охватившего меня нового порыва, то самым непосредственным образом поспособствую своей гибели. Понимаете ли вы, насколько ужасным было мое положение?

Остаток ночи я провел в пелене болезненного испуга и в таком напряжении, что не мог сделать ни одного движения. Мною владел всепоглощающий страх, постоянно напоминавший о том, что любое мое действие может оказаться внушенным влиянием, под которым, как мне было известно, я находился. А снаружи барьера все кружила призрачная длань, снова и снова

пытавшаяся схватить меня. Дважды принималась она за трупик кота, и во второй раз хрустела костями несчастного животного весьма долго. И все это время жуткий ветер дул на меня из левого угла комнаты, из-за кровати.

Наконец с первым светом зари, неестественный ветер разом стих; исчезла неведомо куда и рука. Медленно вползал на небо восход, и наконец серый утренний свет заполнил собой всю комнату, сделав бледное сияние Электрического Пентакля еще более неземным. Тем не менее, я решился выйти из-за барьеров только после окончательного наступления дня, ибо не мог поручиться за то, что внезапное прекращение ветра не было уловкой, предпринятой, чтобы выманить меня из ограды Пентаклей.

Только при ярком свете я в последний раз огляделся и бросился к двери. Нервными и неловкими движениями отпер замок, поспешно запер его и направился в собственную спальню, где бросился на постель и попытался привести в порядок нервы. Тут появился Питер, принесший кофе; выпив его, я сказал, что намереваюсь уснуть, так как бодрствовал всю ночь. Дворецкий забрал поднос и невозмутимо ушел; заперев за ним дверь, я улегся в постель и, наконец, уснул.

Проснулся я около полудня и, наскоро перекусив, отправился в Серую комнату. Там я отключил ток от Пентакля, который в спешке оставил включенным утром, и вынес трупик кота. По вполне понятной причине мне не хотелось, чтобы кто-либо увидел останки бедного зверя. После этого я углубился в тщательное обследование того угла комнаты, куда призрак бросал постельное белье. Но, даже проделав несколько дырок в стене, я ничего не обнаружил.

Тогда мне пришло в голову посмотреть за плинтусом. Приступив к делу, я ощутил, как инструмент мой звякнул о металл. Повернув крюк в сторону, я попытался выудить вещицу, что мне и удалось сделать со второй попытки. Чтобы рассмотреть, я поднес небольшой предмет к окну. Он оказался странным кольцом, сделанным из серого металла. Странным в нем было то, что кольцо это имело форму пятиугольника, то есть сердцевины магической пентаграммы, лишенной ее защитных острых вершин. На нем не было ни узоров, ни гравировок.

Вы сможете понять мое волнение, если я скажу, что в этот миг ощутил уверенность в том, что держу в руке знаменитое Кольцо Удачи рода Андерсонов, которое самым непосредственным образом было связано с появлением в доме привидения.

Кольцо это из поколения в поколение передавалось от отца к сыну, и всегда – в согласии со старинной семейной традицией – сыновьям приходилось давать обещание никогда не надевать его. Должен заметить, что кольцо было привезено одним из крестоносцев, причем – при весьма странных обстоятельствах, однако эта история слишком долга, чтобы приступать к ней теперь. Скажу лишь, что молодой сэр Хальберт, один из предков Андерсонов, в подпитии обязался надеть это кольцо на ночь. Он исполнил свое намерение, однако наутро его жена и ребенок были найдены задушенными в той самой комнате, в которой я стоял. Похоже, люди решили, что преступление это с пьяных глаз совершил сам сэр Хальберт, и потому, чтобы доказать собственную невиновность, он улегся на следующую ночь спать в этой же постели. Его также задушили. Как вы можете представить, с той поры и до прошедшей ночи никто и никогда не ночевал в Серой комнате, пока я не сделал этого. Кольцо было потеряно настолько давно, что успело превратиться в миф, посему вы можете понять, что за чувства владели мной, когда я держал его в руках.

Пока я стоял посреди Серой комнаты, разглядывая эту вещицу, мне пришла в голову мысль: что если кольцо является в некотором смысле дверью? Понимаете, что я хочу сказать? Некой брешью в ограде, окружающей наш мир. Странная эта мысль, как я понимаю, возможно, не принадлежала мне, но пришла Извне. Видите ли, дело в том, что ветер исходил из той части комнаты, где находилось кольцо. Я много размышлял над этим. Потом форма... середина пентаграммы. Кольцо не имело лучей, а ведь в «Манускрипте Зигзанда» сказано: «Рекомья вершины, каковыя суть Пять Холмов безопасности. Отсутствие сих дарует силу Диа-

волу и служит пользе Злой Твари». Видите, значение имела сама форма кольца, и я решил опробовать свою идею.

Я разобрал Пентакль, так как его надлежит каждый раз сооружать заново вокруг того, кто нуждается в защите, после чего вышел и запер за собой дверь комнаты. Затем я оставил дом, чтобы уладить некоторые дела, так как ни чеснок, ни хлеб, ни воду нельзя использовать второй раз. Возвратился я около половины восьмого и, взяв все привезенное мной в Серую комнату, отпустил Питера на ночь, как сделал и предыдущим вечером. Когда он спустился, я вошел в комнату, запер и опечатал изнутри дверь и, устроившись в центре комнаты возле своего багажа, приступил к работе, чтобы со всей возможной быстротой соорудить ограду вокруг меня и кольца.

Не помню, объяснял ли я вам техническую сторону дела, однако подумал, что если проникновение в наш мир осуществляется через кольцо, то, замкнув его вместе с собой в Электрическом Пентакле, я – как бы это сказать – изолирую его. Понимаете? Сила, находящая свое видимое воплощение в руке, вынуждена будет остаться за Барьером, отделяющим Сверхъестественное от Естественного, ибо доступ к воротам будет закрыт.

Как уже говорилось, я был погружен в создание ограды вокруг меня и кольца, так как было уже слишком поздно для того, чтобы находиться в таком помещении без защиты. Кроме того, я не сомневался в том, что ночью будут предприняты существенные усилия, чтобы овладеть кольцом, и что именно кольцо – необходимое условие материализации призрачной руки. Сейчас и вы убедитесь в моей правоте.

Итак, я завершил создание ограды примерно через час, и можете представить себе то облегчение, с которым я вновь увидел вокруг себя бледное свечение Электрического Пентакля. После этого я провел примерно два часа, обратившись лицом к углу, из которого исходил ветер, пока наконец, около одиннадцати, не ощутил вдруг, что нечто странным образом находится рядом со мной; тем не менее, в течение целого часа после этого ничего не происходило.

А потом на меня внезапно задул холодный, нездешний ветер. К моему изумлению, на сей раз он исходил из-за моей спины, и я в страхе повернулся. Ветер, начинавшийся с пола в непосредственной близости от меня, дул мне прямо в лицо. Охваченный новым болезненным страхом, я устался на пол. Что же такое еще я успел натворить?! Кольцо лежало рядом со мной, там, где я оставил его.

И тут мой взволнованный до предела взгляд уловил, что с кольцом происходит нечто странное... что вокруг него движутся и сплетаются тени. Я тупо рассматривал их, а потом вдруг понял, что ветер дует на меня *из кольца*. Я увидел неровную струйку дыма, сочившуюся из кольца и мешавшуюся с колышущимися тенями. Тут мне стало понятно, что я нахожусь в более чем смертельной опасности, ибо сплетения теней возле кольца начинали обретать форму, и внутри Пентакля уже сгущалась призрачная рука. Боже мой! В какой я находился беде! Я собственными руками внес ворота иного мира внутрь Пентаклей, и тварь проникала в них, вливалась в материальный мир, словно струйка газа из какой-нибудь трубки.

Должен признать, что на мгновение я просто оцепенел от страха, а потом безумным, неловким движением потянулся к кольцу, намереваясь вышвырнуть его из Пентакля, но не сумел нащупать его, словно бы какая-то невидимая и живая тварь двигала кольцо туда-сюда. Наконец, я схватил кольцо, однако в то же самое мгновение какая-то невероятная и жестокая сила вырвала его из моей руки. Громадная темная тень покрыла кольцо, поднялась в воздух, протянулась ко мне, и я увидел перед собой руку – огромную и идеально очерченную. С безумным воплем я перепрыгнул через Пентакль, через кольцо горящих свечей и в отчаянии бросился к двери, неловко образом теребя связку ключей, покорившись граничащему с безумием страху и не отводя глаз от своей ограды. Рука все еще тянулась ко мне, но как не могла она проникнуть внутрь Пентакля, когда кольцо находилось снаружи него, так теперь не могла выйти за его пределы.

Чудовище было сковано так же надежно, как и любой земной зверь при помощи железной цепи.

Но, даже осознав это, я был слишком потрясен, чтобы размышлять, и, едва сумев повернуть ключ, выскочил в коридор, с грохотом захлопнув дверь. Заперев ее за собой, я отправился в свою комнату; тело мое охватила такая дрожь, что я едва мог стоять. Запершись внутри, я с трудом зажег свечу, а потом лег на кровать и пролежал так час или два, пока не пришел в себя. После я все-таки уснул и проснулся, уже когда Питер принес мне кофе. Выпив чашку, я почувствовал себя намного лучше и пригласил старика вместе со мной заглянуть в Серую комнату.

Открыв дверь, я посмотрел внутрь комнаты. Свечи еще горели, бледные при дневном свете, за ними по полу змеилась едва заметная звезда Электрического Пентакля. А посреди него лежало кольцо, обыкновенное и ничем не примечательное с вида... ворота, открывающие путь чудовищу.

В комнате все оставалось нетронутым, и я понял, что тварь так и не сумела преодолеть Пентакли. Тогда я вышел и запер за собой дверь.

Отдав несколько часов сну, я оставил дом и вечером вернулся в кебе, привезя с собой кислородно-водородную горелку и два газовых баллона. Доставив эти предметы в Серую комнату, я устроил небольшую печку прямо посреди Электрического Пентакля. Пять минут спустя Кольцо Удачи, некогда приносившее счастье семейству Андерсонов, но теперь сделавшее его проклятием, превратилось в лужицу раскаленного металла.

Опустив руку в карман, Карнакки извлек из него небольшой предмет, обернутый в упаковочную бумагу, и передал мне. Раскрыв сверток, я обнаружил внутри кружок из серого металла, похожего на свинец, только более твердого и блестящего.

– Итак? – проговорил я по прошествии некоторого времени, внимательно рассмотрев кружок и передав его остальным. – После этого привидение оставило дом?

Карнакки кивнул.

– Да, – проговорил он. – После этого я провел в Серой комнате три ночи, прежде чем уехать оттуда. Старина Питер едва не лишился чувств, когда впервые услышал о моем намерении, но к третьей ночи до него как будто уже дошло, что дом сделался безопасным и обыкновенным. И знаете, по-моему, в сердце своем он вовсе не был этим доволен.

С этими словами Карнакки поднялся и протянул мне руку.

– А теперь убирайтесь отсюда! – любезным голосом предложил он, и мы разошлись по домам, погруженные в задумчивость.

Дом среди лавров

– Расскажу-ка я вам одну интересную историю, – проговорил Карнакки, когда после скромного и спокойного обеда мы удобно устроились в его уютной гостиной.

– Я только что вернулся из Западной Ирландии, – продолжил он. – Мой друг Вентворт недавно получил там неожиданное наследство – крупное поместье с домом примерно в полутора милях от деревни Корантон. Имение его называется Ганнингтон Менор, и оно простояло необитаемым изрядное число лет, как почти всегда случается с домами, в которых водятся привидения.

Когда Вентворт явился, чтобы вступить в свои права, он нашел поместье в безобразном состоянии – нуждающимся в ремонте, да и вообще весьма запущенным и унылым. Он прошел по всему большому дому и сказал мне, что при этом ощущал себя как-то неуютно, хотя причиной здесь, конечно, могло быть обыкновенное чувство бесприютности и уныния в старом и большом доме, по которому идешь в одиночестве.

Осмотрев дом, он отправился в деревню, намереваясь встретиться с прежним управляющим этого поместья и договориться с ним о найме смотрителя. Управляющий, оказавшийся, кстати, шотландцем, просто горел желанием вновь взяться за свои обязанности, однако заверил Вентворта в том, что смотрителя ему найти не удастся и что он советует сломать дом и построить новый.

Естественно, подобный совет встревожил моего друга, и по дороге в деревню он вытянул из своего собеседника некое объяснение. По всему выходило, что о доме, который в прежние дни назывался замком Ландру, всегда рассказывали странные истории, и что за последние семь лет там случились две загадочные смерти. Оба умерших были бродягами, не знавшими о репутации дома и посчитавшими его пригодным для ночлега. В обоих случаях не осталось никаких признаков насилия, указывавших на причину смерти, и оба раза тела были найдены в просторной прихожей.

К тому времени, когда Вентворт и управляющий добрались до гостиницы, в которой остановился мой друг, он уже успел сообщить шотландцу, что считает все эти истории с привидениями чепухой и берется доказать это, проведя ночь в поместье. Смерть бродяг, бесспорно, оставалась загадкой, однако она ни в коей мере не намекала на действие сверхъестественных сил. Эти отдельные случайности были соединены памятью жителей, что вполне естественно в таком маленьком местечке, как Корантон. Бродяги то и дело умирают, кто где, и нет ничего удивительного в том, что, быть может, из сотни бедолаг, заночевавших в пустом доме, двум представилась возможность умереть под его кровом.

Услышав о намерении нового владельца дома, управляющий всполошился и вместе с владельцем гостиницы Деннисом попытался отговорить его. Ирландец Деннис умолял Вентворта поберечь собственную душу и жизнь, шотландец был не менее серьезен.

К тому времени уже за вечерело; по словам Вентворта, вечер выдался теплым и ясным, и слушать, как эти двое серьезно толкуют о невозможном, было просто невыносимо. Ощущая себя преисполненным отваги, мой друг решил, что раз и навсегда разоблачит все эти разговоры о привидениях как пустую болтовню, уже сегодня проведя ночь в поместье. Он изложил свое намерение собеседникам в весьма откровенной форме и добавил, что с их стороны будет более уместно – да и благородно – отправиться вместе с ним и составить ему компанию. Такое предложение, насколько я понимаю, попросту потрясло бедного старину Денниса; впрочем, управляющий Тэббит воспринял его более спокойно, но отнюдь не одобрительно.

Итак, Вентворту надо было идти, а между тем, как он признался мне, с наступлением вечера перспектива предстала перед ним совсем в другом свете.

Чтобы проводить его, собралась целая толпа жителей деревни, так как к этому времени все уже узнали о его намерении. У Вентворта было при себе ружье и большой пакет свечей, и он постарался дать своим спутникам понять, что устраивать розыгрыши неразумно, поскольку он-де будет стрелять без предупреждения. То, насколько серьезно эти люди относятся к его предприятию, дошло до него, лишь когда один из местных жителей подошел к нему с громадным бульмастифом на поводке и предложил взять пса с собой. Вентворт похлопал по ружью, однако старик, которому принадлежала собака, покачал головой и пояснил, что животное может оповестить его заранее, чтобы он мог вовремя убраться из замка. Было ясно, что существенной пользы в ружье он не видел.

Вентворт взял пса, поблагодарив старика. Он сказал мне, что уже начал сожалеть о том, что столь самоуверенно высказал свое намерение, однако в такой ситуации у него просто не оставалось другого выхода. Пройдя сквозь собравшуюся толпу, он неожиданно обнаружил, что все местные дружно последовали за ним. Они проводили его до самого дома, а потом прошли вместе с ним и по всему особняку.

Обход закончился еще при дневном свете, хотя уже начинало смеркаться; собравшиеся мужчины постояли немного в нерешительности, словно бы стыдясь уходить и оставлять Вентворта в полном одиночестве. Потом он сказал мне, что в этот момент охотно отдал бы пятьдесят фунтов за то, чтобы уйти вместе со всеми. И тут вдруг его осенила идея. Он предложил всей компании остаться с ним на всю ночь. Деревенские принялись отказываться и попытались уговорить его вернуться вместе с ними, однако Вентворт сумел сделать свое предложение привлекательным. Он предложил им вернуться в гостиницу, взять там пару дюжин бутылок виски, осла с грузом дров и побольше свечей. По возвращении он намеревался разжечь в большом камине огонь, засветить все свечи, расставить их вокруг, откупорить виски и провести за выпивкой всю ночь. И, ей-богу, они согласились!

Все вернулись в гостиницу и скоро уже занялись погрузкой осла и распределением между собой свечей и бутылок. Только Деннис упорно пытался отговорить Вентворта возвращаться в поместье; однако, как человек по-своему разумный, остановился, посчитав дальнейшие уговоры напрасными. Дело в том, что он не хотел отпугнуть остальных, оставив Вентворта в одиночестве.

– Так что, сэarra, – молвил он, – нет в этом никакой пользы, не на чо заново обживать замок. Проклят он, значицца, проклят неповинной кровью, и лучшее сломать ево да поставить новый. Но ежели вы намереваетесь провести там енту ночку, дяржиття большую дверь открыту да слушайте, пока не закапаеть кровя. И когда закапаеть кровя, пусть даже упадет единая капелюха, за все золото мира не оставайтесь там.

Вентворт спросил его, как надо понимать это самое «когда закапаеть кровя».

– Знаеття, – ответил он, – ента кровя их – тех, кого Черный Мик в стары дни убил посряди сна. Он изобразил, что хочет кончить старую вражду, и пригласил к себе их – семейство О'Хара, то ись – в количестве семидесяти душ. Он их кормил, он с ими ласково говорил, заставил себе поверить и уговорил заночевать. И тогда вот он и евоные люди начали убивать их во сне. Так мне рассказывали отец и дед. А после их смерти, говорят, если кто заночует в замке, начинается капать кровя. Она затушить и свечу, и огонь, а во тьме там сама Пречистая не сможет защитить вас.

Вентворт сказал мне, что ответил на эти слова смехом, главным образом потому, что, по его мнению, именно так и надлежит реагировать на подобные байки, какое бы впечатление на самом деле они ни производили на вас. Он спросил у старины Денниса, рассчитывает ли он на то, что ему поверят.

– Да, сэarra, – ответил Деннис, – я надеюсь на это, и на то, что Господь будет милосерден, и вы вернетесь сюда утром целым и невредимым.

Серьезность и простота ответа произвели впечатление на Вентворта и он протянул старику руку, но при всем том отправился своим путем, и я восхищаюсь его отвагой.

Народа собралось около сорока человек, и, вернувшись в особняк или в замок, как зовут его деревенские, они вскоре развели большой огонь в очаге и наставили зажженных свечей по всему большому залу. Все принесли с собой дубинки, и потому были готовы отразить любое вещественное нападение; и, конечно же, у Вентворта оставалось его ружье. Виски он держал при себе, чтобы никто не напился, однако позволил всем как следует промочить горло, и посему люди пребывали в хорошем расположении духа. Если позволить собравшейся в подобных обстоятельствах группе замолкнуть, люди начнут задумываться и представлять себе разное.

Большую входную дверь по распоряжению моего друга оставили открытой настежь: он все-таки прислушался к словам Денниса. Ночь выдалась тихой, снаружи не задувало, свечи горели ровными огоньками, и веселье растянулось часа на три. Вентворт откупорил вторую порцию бутылок, и все чувствовали себя превосходно; один из деревенских расхрабрился настолько, что громким голосом пригласил призраков явить себя. И тут, понимаете ли, произошла весьма странная вещь: громадная дверь качнулась и струнулась с места, словно подчиняясь невидимой руке, и с громким звуком захлопнулась.

По коже Вентворта пробежал холодок. Вспомнив про окружающих, он огляделся. Несколько человек смолкли и испуганными глазами смотрели на входную дверь, но остальные ничего не заметили и по-прежнему оживленно беседовали. Мой друг протянул руку к ружью, и в следующее мгновение огромный бульмастиф разразился оглушительным лаем, привлекая всеобщее внимание.

Должен сказать вам, что тамошний зал имеет продолговатую форму. В южной стене располагаются окна, а в северной и восточной находится по ряду ведущих в дом дверей, в то время как парадный вход занимает западную стену. Все ведущие в дом двери были закрыты, и громадный пес бросился к одной из тех, что находились в северной стене, однако остановился, не добежав до нее; и тут дверь начала медленно открываться, явив за собой черноту коридора. Пес, заскулив, попятился к людям, и на минуту в зале воцарилось полное молчание.

Тогда Вентворт выступил чуть вперед и направил ружье в сторону двери.

– Кто там ни есть, выходи, или я стреляю! – выкрикнул он. Однако ничто не шевельнулось, и он разрядил оба ствола во тьму. И словно подчиняясь сигналу, все двери в северной и восточной стенах медленно распахнулись, и Вентворт вместе со всеми своими компаньонами уставился в открывшиеся темные проемы.

Мой друг торопливо зарядил ружье и кликнул собаку, однако пес уже забился в толпу людей, и этот страх испугал Вентворта, по его собственным словам, более всего остального. А потом началось. Сперва погасли три свечи в уголке зала, и сразу же закурились дымки в дюжине других различных мест. Свечи гасли одна за другой, и в углах зала сделалось темно.

Все мужчины уже стояли, стискивая дубинки и теснясь друг к другу. Никто не произносил даже слова. Вентворт сказал мне, что ему было дурно от страха, – это чувство известно мне – и тут вдруг что-то капнуло на тыльную сторону его левой ладони. Вентворт поднес руку к глазам. Кровавое пятно уже растекалось по пальцам. Оказавшийся рядом старик-ирландец, заметив это, проскрипел дрогнувшим голосом:

– Кровя каплеть!

Услышав его слова, все обернулись к нему; раздались испуганные крики:

– Кровя каплеть! Кровя каплеть!

Тут одновременно погасло с дюжину свечей, и в зале разом стало темно. Пес громко и с тоской взвыл, и на мгновение все застыли в воцарившемся безмолвии, а потом дружно сорвались с места и бросились к двери. Распахнув ее, люди помчались во тьму, однако нечто гулко захлопнуло дверь следом за ними, оставив внутри собаку: Вентворт услышал, как она

завыла, когда вся толпа уже бежала по ведущей к дому дороге. Тем не менее, никому из них не хватило отваги вернуться к дому и выпустить пса, что отнюдь не удивляет меня.

Вентворт, который слышал обо мне в связи с делом о Чудовище Колокольни, послал за мной на следующий же день. Я приехал с ночным почтовым и встретился с Вентвортом в гостинице. Утром мы отправились в старое поместье, окруженное зарослями, удивившими меня большим числом лавровых кустов возле дома. Они буквально удушали дом, словно бы выраставший из моря зеленого лавра. Такая растительность и мрачный облик старинного сооружения придавали всей округе вид неуютный и неприглядный даже посреди бела дня.

Солнечные лучи хорошо освещали прихожую, о чем я вовсе не горевал. Дело в том, что рассказ Вентворта успел заинтриговать меня. Мы обнаружили одну неприятную деталь: громадного бульмастифа, лежавшего с переломленной шеей. Это встревожило меня, поскольку стало ясно, что вне зависимости от естественных или сверхъестественных причин в доме присутствовала сила, чрезвычайно опасная для жизни.

Потом, пока Вентворт стоял на страже с ружьем, я обследовал зал. Вокруг были разбросаны бутылки и кружки, из которых пили виски; повсюду на оплавленных концах стояли свечи. Впрочем, короткое и беглое обследование не дало никаких результатов, и я решил, следуя своему обыкновению, внимательно осмотреть каждый квадратный фут помещения – причем не только прихожей, но и всего замка.

Я потратил на изучение три недели, но без какого-либо успеха. Как вы знаете, я проявляю в этот период расследования предельное внимание, поскольку сумел подобным образом разрешить сотни дел о так называемых привидениях. Однако, как я уже говорил, обнаружить что-либо мне не удалось. Во время исследований я заставлял Вентворта охранять меня с заряженным ружьем в руках и особенно внимательно следил за тем, чтобы мы никогда не задерживались в доме до сумерек.

Словом, я, наконец, решил провести ночь в большом зале дома – естественно, под защитой – и рассказал о своем намерении Вентворту. Однако предпринятая им самим попытка повергла моего друга в такое смятение, что он начал умолять меня не делать этого. И все же результат стоил риска, так что в итоге я сумел уговорить его соприсутствовать мне при этом.

Учитывая это, я отправился в соседний городок Гонт и, договорившись с главным констеблем, заручился помощью шестерых вооруженных винтовками полисменов. Договоренность, конечно, оставалась неофициальной, и людей подбирали на добровольных началах, пообещав дополнительную оплату.

Констебли прибыли в гостиницу к концу дня, я устроил им хороший обед, после которого все мы отправились в поместье. Мы вели с собой четырех ослов, нагруженных дровами и прочими предметами, а также двух рослых псов, приученных к охоте на вепря, ими занимался один из полицейских. Когда мы добрались до дома, я отправил людей разгружать ослов; а сам с Вентвортом закрыл и лентой и воском опечатал все двери, за исключением входной: если двери действительно открывались, я хотел иметь доказательство этого. Призрачные галлюцинации или месмерическое² воздействие легко могут обмануть человека.

Пока мы занимались этим делом, полисмены разгрузили ослов и ожидали нас, с любопытством оглядываясь по сторонам. Я отрядил двоих разводить огонь в большом камине и приставил остальных к другим делам. Одного из них вместе с собаками я отправил в противоположный входу конец зала, где вогнал в пол скобу и привязал к ней пса на коротком поводке. После этого я мелом начертил вокруг собаки пентаграмму, а затем обвел Пентакль снаружи чесночным кругом. Так же я поступил и со второй собакой, которую поместил в северо-восточном углу большого зала, где сходились углом два ряда дверей.

---

² Месмеризм – околонуканая теория, согласно которой люди выделяют особого рода магнитную энергию или флюид, который позволяет им устанавливать телепатическую связь друг с другом. – *Прим. ред.*

Сделав это, я расчистил всю середину зала, распорядился, чтобы один из полисменов подмел ее, после чего поместил всю свою аппаратуру на очищенном месте. После этого я отправился к главной двери и открыл ее, зацепив крюком так, чтобы дверь нельзя было закрыть, не сняв с крючка. После этого я поместил зажженные свечи перед каждой из опечатанных дверей, поставил по одной в каждом углу просторного зала. Когда все они оказались зажженными и как следует разгорелись, я собрал вместе всех своих спутников возле груды вещей в центре комнаты и отобрал у них трубки; ибо как сказано в «Манускрипте Зигзанда»: «Да не изойдет свет изнутри барьера». Я должен был иметь полную гарантию.

Потом я достал рулетку, отмерил ею круг диаметром в тридцать три фута³ и немедленно обвел его мелом. Полицейские и Вентворт обнаружили настолько живой интерес, что, воспользовавшись возможностью, я предупредил их, что занимаюсь не суеверными глупостями, а возвожу преграду между нами и любой нечистью, которая может явиться нам ночью. Я предостерег их, что всякому, кому дороги собственная жизнь и душа, ни в коем случае и ни при какой ситуации нельзя выходить за пределы сооружаемого мной барьера.

Очертив круг, я взял связку чеснока и обвел давленными дольками круг с внешней стороны мелового круга. Завершив это дело, я велел подать мне приготовленные мною заранее особые свечи. Полисмены зажигали их, а я ставил на лужицу воска внутри мелового круга на расстоянии в пять дюймов⁴ друг от друга. Поскольку диаметр каждой свечи составлял около дюйма, чтобы завершить круг, мне потребовалось шестьдесят шесть свечей; не стоит и говорить, что всякий размер и число имели собственное значение.

После этого я протянул от свечи к свече поясok из человеческих волос, пропуская его то справа, то слева от свечи, пока не завершил круг и не вмял оправленные в серебро концы пояса в воск шестьдесят шестой свечи.

К этому времени уже стемнело, и я поспешил завершить создание барьера. Для этого я собрал воедино своих спутников и начал укладывать вокруг нас Электрический Пентакль, так чтобы пять лучей Защитной Звезды лежали внутри Волосяного Круга. На это много времени не потребовалось, и минуто спустя, после того как я подсоединил батареи, нас окружил слабый синий свет вакуумных трубок. Я сразу почувствовал себя спокойнее, так как этот Пентакль, как всем вам известно, представляет собой превосходное средство защиты. Я уже рассказывал вам, что сама идея пришла мне в голову после прочтения статьи об экспериментах профессора Гардерса с медиумом. Он обнаружил, что определенные токи, протекая в вакууме, изолируют медиума. Объяснение является чисто техническим, и если вы хотите узнать подробности, прочтите лекцию Гардерса под названием «Сравнение астральных вибраций с вибрациями, материально закрученными ниже предельного значения».

Закончив работу, я услышал доносившийся снаружи стук капель по листьям лавров, окружавших, как я говорил, весь дом. Звук сообщил мне о том, что начался дождь; ветра не было никакого, о чем можно было судить по неподвижным язычкам пламени над свечами.

Я постоял несколько мгновений, прислушиваясь, после чего один из полисменов прикоснулся к моей руке и негромко спросил, что им теперь делать. По его тону я понял, что странная ситуация уже начинает воздействовать на этого человека; прочие же, включая Вентворта, притихли настолько, что я уже начал опасаться, не дрогнули ли они.

Тогда я занялся ими и усадил всех спинами к общему центру, так что они сидели на полу, выставив вперед ноги. После, воспользовавшись компасом, я сориентировал их ноги по восьми сторонам света, очертил меловым кругом и напротив ног нарисовал восемь знаков ритуала Саамаа. Восьмое место, конечно, оставалось пустым, однако я мог занять его в любой момент,

---

³ Приблизительно 10 м.

⁴ 12,5 см.

поскольку не стал наносить Запечатывающий Знак на этот луч, чтобы войти во внут-реннюю звезду только после завершения приготовлений.

В последний раз оглядев просторный зал, я заметил, что оба пса спокойно лежат, положив носы между лап. В очаге пылал высокий жаркий огонь, свечи перед двумя рядами дверей – и одиночные, расставленные по углам, – горели ровным светом. Вернувшись к звезде, образованной людьми, я предупредил их о том, что не надо бояться, что бы ни произошло, но следует довериться ограде и не позволять любому искушению или соблазну выманить их за пределы Барьеров. Я также посоветовал им следить за своими движениями и держать ноги строго по местам и запретил стрелять без моего разрешения.

А потом я, наконец, отправился на свое место, и, усевшись, нанес восьмой знак как раз против своих ног. Далее пристроил под рукой фотокамеру со вспышкой и проверил свой револьвер.

Вентворт сидел позади первого знака, и поскольку нумерация шла по кругу, оказался слева от меня. Я негромким голосом осведомился о его самочувствии; он ответил, что нервничает, однако уверен в моих познаниях и намеревается выдержать все, что может произойти.

Мы стали ждать. Разговоров не было никаких, за исключением того, что раз или два кто-нибудь из полисменов наклонялся к собрату с комментариями по поводу зала, прекрасно слышимыми в напряженном молчании. Но затем воцарилась полнейшая тишина – лишь монотонный стук капель дождя доносился из-за распахнутой двери парадного входа, да негромко потрескивали дрова в огромном камине.

Причудливую, должно быть, картину представляли мы, сидевшие спина к спине, выставив ноги перед собой; эту живую звезду охватывал странным голубым светом Пентакль, в свой черед окруженный ярким кольцом зажженных свечей. Просторный зал снаружи кольца казался по контрасту несколько сумрачным, за исключением ярко освещенных закрытых дверей, да и в очаге пылало яркое пламя. А снаружи нас окружала тайна! Чувствуете ее?

Наверное, по прошествии часа я вдруг понял, что ощущаю неестественную напряженность, вдруг наполнившую помещение. Не то взволнованное ощущение загадки, что все время не оставляло нас, но новое чувство, словно вот-вот должно случиться нечто. Потом из восточного конца помещения донесся негромкий шорох, и я ощутил, как дрогнула сложенная из людей звезда.

– Сидите спокойно! – выкрикнул я, и мои компаньоны притихли. Оглядев зал, я увидел, что псы поднялись на ноги, и с неожиданным вниманием глядят в сторону большой двери. Повернувшись к ней, я также принялся смотреть, чувствуя, как крутят головами, вглядываясь, люди вокруг меня.

Тут псы разразились оглушительным лаем, и, поглядев в их сторону, я понял, что взгляды их по-прежнему устремлены к двери. Внезапно собаки умолкли и как будто бы обратились в слух. В этот же самый момент слева от меня звякнул металл. Я посмотрел на крюк, удерживавший открытой большую дверь, и она зашевелилась прямо на моих глазах, словно под воздействием какой-то невидимой руки. Странное, полное дурноты волнение пронзило меня, и я ощутил, как напряглись... да что там, окаменели от напряжения люди вокруг меня. Нечто приближалось к нам, являя признаки невидимого, но всеподавляющего *присутствия*. В зале воцарилась странная тишина, даже от псов не доносилось ни звука. Наконец прямо на моих глазах крюк медленно поднялся над гнездом, хотя ничто не прикасалось к нему. Тут до меня внезапно дотянулась та сила, с которой совершалось движение. Схватив камеру с прикрепленной к ней вспышкой, я наставил объектив на дверь.

Ослепительное сверкание вспышки сопровождали своим лаем обе собаки.

На какое-то мгновение вокруг сделалось темно, я услышал раздавшееся у двери позвякивание и попытался разглядеть, что там происходит. Глаза мои успели вновь привыкнуть к сумраку, и я мог видеть происходящее. Огромная входная дверь медленно закрывалась, пока

со стуком не захлопнулась совсем, после чего воцарилось продолжительное безмолвие, прерывавшееся только доносившимся от собак скулежом.

Я резко повернулся к Вентворту. Он смотрел на меня.

– Совсем как в прошлый раз.

– Удивительно, – отозвался я.

Нервно кивнув, он огляделся по сторонам.

Полисмены вели себя очень спокойно, из чего я заключил, что им приходится еще хуже, чем Вентворту. Кстати, не надо считать, что сам я являл образец невозмутимости; впрочем, могу сказать, что успел навидаться сверхъестественного настолько, что в подобных случаях владею собой лучше большинства людей.

Бросив взгляд за плечо, я негромко предостерег своих спутников, чтобы они ни в коем случае не выходили за пределы Барьеров, – что бы ни случилось... даже если будет казаться, что весь дом зашатался и вот-вот обрушится на них, ибо кому как не мне было знать, на что способны некоторые из великих Сил. Тем не менее, если нам предстояло не одно из наиболее ужасных проявлений Сайити, можно было считать, что мы находимся в относительной безопасности, пока сохраняем порядок внутри Пентакля.

В относительном покое миновало, должно быть, около полутора часов – разве что время от времени подвывала одна из приунывших собак. Наконец смолкли и они, устроившись на полу, нелепо уткнувшись носами в лапы и заметно дрожа. Картина эта, как вы понимаете, привела меня в еще более серьезное настроение.

И тут внезапно погасла свеча, находившаяся в самом дальнем от входной двери углу. Буквально мгновение спустя Вентворт дернул меня за руку, и я увидел, как задуло свечу перед одной из опечатанных дверей. Я приготовил камеру, однако свечи начали гаснуть по всему залу с такой быстротой и беспорядочностью, что я никак не мог зафиксировать миг исчезновения пламени. Тем не менее, я все-таки снял общий вид всего зала.

Вспышка на какое-то время наполовину ослепила меня, и я принялся ругать себя за то, что не прихватил темные очки, которыми мне иногда приводилось пользоваться в те времена. Внезапная вспышка заставила кое-кого из наших вскочить, и я громким голосом велел всем сесть на место, положив ноги точно так, как я усадил их. Голос мой, как вы можете представить, звучал в просторной комнате достаточно жутко... мгновение было отчаянное.

Потом зрение вернулось ко мне, я оглядел весь зал, однако ничего необычного не приметил – если не считать теней, залегших теперь во всех углах.

И вдруг я заметил, что пламя в камине начинает темнеть. Оно заметно ослабело буквально за несколько мгновений. Если я скажу, что некая чудовищная, немислимая, невидимая сила высасывала из него жизнь, то, пожалуй, наилучшим образом опишу манеру, в которой ослабевал свет. Удивительное явление. За то время, пока я смотрел на камин, в нем погасли все язычки пламени, и вокруг окружавшего Пентакль кольца свечей не осталось никакого света.

Решительный настрой неведомой адской твари обеспокоил меня в куда большей степени, чем я способен объяснить вам.

Итак, в зале присутствовала весьма спокойная и целеустремленная Сила: ее упорное тщание создать темноту вселяло ужас. И разум мой терзала одна только мысль относительно пределов влияния этой силы на материю. Понимаете?

Позади меня вновь зашевелились полисмены, и я понял, что страх начинает овладевать ими. Повернувшись вполоборота, я негромким и ровным голосом напомнил им, что они находятся в безопасности лишь до тех пор, пока остаются внутри Пентакля, в том положении, в которое я их посадил. Если же они разорвут порядок и выйдут за пределы Барьера, никакие мои познания не могут заранее определить во всей полноте степень грозящей им в таком случае опасности.

Это спокойное и откровенное напоминание утихомирило их; однако, если бы, подобно мне, эти люди знали, что абсолютной уверенности не дает никакая Защита, муки их еще более усилились бы, и, взломав защитные линии, они бросились бы в безумном и бессмысленном отчаянии на поиски недостижимой безопасности.

После этого миновал еще один час, так же прошедший в полной тишине. Я пребывал в состоянии жуткой напряженности и уныния, ощущая себя маленьким духом, находящимся в обществе некоего невидимого, пришедшего из незримого мира чудовища, пока еще затаившегося и как бы не ощущавшего нас. Склонившись к Вентворту, я спросил, не замечает ли он чьего-либо присутствия в комнате. Мой друг казался очень бледным и все время озирался по сторонам. Коротко глянув на меня, он кивнул, а потом снова принялся вглядываться во тьму. И тут я понял, что и сам не оставляю это занятие.

Вдруг все свечи в Барьере разом погасли, словно их загасила сотня незримых рук, и мы остались во тьме, показавшейся на мгновение абсолютной, ибо свечение Пентакля было слишком слабым, чтобы хоть сколько-то осветить просторный зал.

Истинно скажу вам, что на мгновение я сам застыл, как примороженный к месту. Побежавшие по всему телу мурашки словно собрались в моем мозгу. Я вдруг ощутил себя наделенным невероятно острым слухом и слышал, как буквально грохочет мое сердце. Тем не менее, через некоторое время мне отчего-то стало лучше, однако я не мог шевельнуться от страха. Понимаете?

Наконец отвага начала возвращаться ко мне. Схватив камеру, я принялся ждать. Ладони мои были совершенно мокры от пота. Я снова взглянул на Вентворта, едва различимого во мраке. Плечи его были чуть согбены, голова наклонена вперед, и хотя сам он не шевелился, я понимал, что глаза его не знают покоя. Подчас кажется странным, откуда человеку становятся известны такие подробности. Полицейские равным образом безмолвствовали.

Так прошло еще некоторое время, и вдруг тишину нарушили негромкие звуки, доносящиеся с двух сторон комнаты. Я сразу же узнал хруст ломающегося сургуча – открывались запечатанные двери. Я поднял камеру с фотовспышкой, и странная смесь отваги и страха помогла мне нажать на спуск. Когда яркая вспышка озарила зал, я ощутил, что все, кто находился рядом со мной, буквально подскочили на месте. Громовым ударом обрушилась тьма, сгустившаяся десятикратно. Тем не менее, в миг вспышки я успел заметить, что все запечатанные двери распахнуты настезь.

А потом – вдруг, внезапно – по всему огромному залу зазвучали звуки падающих капель, и охвативший меня страх был полон понимания реальной и близкой опасности. Кровавая капля продолжалась, и к ней примешивался мрачный вопрос: смогут ли Барьеры защитить нас от того чудовища, что уже проникло в огромную комнату?

Через несколько жутких минут кровавая капля превратилась в дождь; наконец, капли стали падать посреди Барьеров. Несколько наиболее крупных разбились об пол, забрызгав переплетенные трубки Электрического Пентакля, горящие бледным светом; но как ни странно, я не заметил, чтобы хотя бы одна из них упала среди нас.

Кроме страшного перестука капель не раздавалось ни звука. А потом вдруг отчаянным предсмертным воем взвыла собака в дальнем углу, вой ее прервал мерзкий хруст, и наступило молчание. Если вам случалось на охоте ломать шею кролику, значит, вы знакомы с этим звуком – в миниатюре! Мозг мой молнией пронзила мысль: «Тварь сумела преодолеть Пентакль!» Вы, конечно же, помните, что я оградил ими каждого из псов. С мучительным чувством я подумал о наших собственных Барьерах. Ведь в зале теперь находилось нечто, сумевшее пересечь преграду Пентакля вокруг одной из собак. Наступившее страшное безмолвие заставило содрогнуться все мое тело, и тут один из находившихся за моей спиной полисменов с каким-то женским визгом метнулся к двери. Он протянул руки вперед и нащупал ее буквально в мгновение. Я крикнул остальным, чтобы они оставались на месте, однако все последовали за

первым, как овцы, в панике сбивая на пол – я слышал это – ограждавшие нас свечи. Один из бегущих наступил на трубки Электрического Пентакля и раздавил их; настала полнейшая темнота. Буквально в мгновение я понял, что остался без всякой защиты перед силами мира неведомого, одним отчаянным прыжком выскочил из ставших бесполезными Барьеров и бросился к входной двери – в ночь. Кажется, я вопил от ужаса.

Спутники мои опережали меня, но не думали останавливаться, как, впрочем, и я сам. Иногда я бросал косой взгляд через плечо, вглядываясь в темные тени лавровых кустов, выстроившихся вдоль шедшей от дома дорожки. Отвратная растительность шуршала, шуршала звучно и многозначительно, как бы намекая на то, что посреди кустов нечто следует параллельным со мной курсом. Дождь прекратился, и злой ветерок постанывал над землей, усугубляя мое состояние.

Я догнал Вентворта и полисменов возле ворот поместья. Выскочив из них, мы бежали до самой деревни. Старина Деннис не спал, поджидая нас, и половина местных мужчин составляла ему компанию. Он поведал нам, что в душе своей знал, что мы вернемся – в том случае, если нам суждено вернуться; так я, во всяком случае, истолковал его слова.

К счастью, я вынес с собой из дома фотокамеру – скорее всего, просто потому, что она висела у меня на шее. Тем не менее, я не сразу взялся за проявку, а остался со всеми остальными в баре, где мы проговорили несколько часов кряду, устанавливая подробности жуткого испытания.

Потом я, наконец, отправился в свою комнату и занялся пластинками. К этому времени я уже кое-как успокоился, к тому же можно было надеяться, что негативы позволят что-нибудь разглядеть.

На двух пластинках ничего необычного не оказалось, но на третьей, отснятой раньше других, я заметил нечто, весьма взволновавшее меня. Старательно обследовав ее с помощью увеличительного стекла, я оставил пластинку промываться и надел галоши.

На негативе оказалась чрезвычайно интересная вещь, и я решил проверить справедливость увиденного, не теряя ни секунды. Говорить что-либо Вентворту и полиции до обретения полной уверенности было бесполезно; к тому же я полагал, что сумею добиться успеха самостоятельно... впрочем, в ту ночь мои спутники едва ли осмелились бы еще раз подойти к поместью.

Прихватив револьвер, я тихонько спустился с лестницы и вышел во тьму. Дождь припустил вновь, но это меня не смущало: я торопился. Когда я оказался у самых ворот поместья, внезапное и странное предчувствие остановило меня, и, сойдя с дорожки, я перелез через стену и углубился в парк. Стараясь держаться в стороне от дорожки, я приближался к дому посреди зловещих мокрых лавров. Можете представить, сколь мерзко мне было. Я вздрагивал едва ли не каждый раз, когда неподалеку шелестел листок.

Обойдя дом с тыла, я залез в небольшое окошко, замеченное во время обследования, в ходе которого я изучил дом от подвалов до крыши. Поеживаясь от страха, я поднялся по кухонной лестнице, наверху которой свернул налево, а потом – в длинный коридор, выходящий через одну из опечатанных нами дверей в большой зал. Поглядев вперед, я заметил в конце его свет и на цыпочках подкрался к двери, держа револьвер наготове. Приблизившись к полуоткрытой двери, я услышал мужские голоса и взрыв хохота. Подойдя еще ближе, я сумел заглянуть в зал. Там собралась группа из нескольких хорошо одетых мужчин, среди которых присутствовал, по крайней мере, один вооруженный ружьем. Они осматривали возведенные мной барьеры против сверхъестественного, сопровождая изучение злым смехом.

Никогда еще я не чувствовал тебя таким дураком.

Мне стало ясно, что я имею дело с шайкой, быть может, уже много лет использовавшей поместье для каких-то своих целей, и теперь, когда Вентворт попытался вступить во владение, изобразивших действие нечистой силы, чтобы прогнать его и сохранить за собой столь полез-

ное место. Однако кем являлись они: фальшивомонетчиками, ворами или просто аферистами, я предположить не мог.

Наконец они отошли от Пентакля и собрались возле оставшегося в живых пса, странным образом остававшегося спокойным и словно бы одурманенным. Там они недолго поговорили о том, стоит ли оставлять жизнь бедному зверю, но в итоге решили все же убить его. Двое из них пропустили скрученную петлю через пасть пса, а концы связали на его шее. Потом кто-то третий продел толстую палку в обе петли, а двое с веревкой нагнулись к псу. Я не видел, что они делали, однако бедная тварь немедленно взвыла, а следом послышался уже знакомый мне жуткий хруст. Потом все трое распрямылись, оставив уже смолкшего пса умирать. Со своей стороны я отметил расчетливую безжалостность, с которой животному был вынесен смертный приговор, и холодную решительность в аккуратном его исполнении. Понятно было, что тот, кому случится попасть на заметку этим людям, встретит столь же безрадостный конец.

Мгновение спустя один из мужчин велел остальным снять проволоки. Один из них направился прямо к коридору, в котором я находился, и мне пришлось отбежать в его дальний темный угол. Мужчина дотянулся до верха двери, и я услышал, как негромко звякнула стальная проволока.

Когда он ушел, я поспешно вернулся обратно и увидел, как эти люди один за другим исчезают в открывшемся в лестнице отверстии, образованном поднятой мраморной ступенькой. Когда в отверстие спустился последний из злоумышленников, ступенька легла на свое место, и от потайной двери не осталось и следа. Я старательно сосчитал ступени – потайная дверь оказалась под седьмой. Идея и исполнение были великолепны: прочный камень не звенел, как я установил впоследствии, даже под тяжелым молотком.

Далее особенно рассказывать нечего. Я постарался по возможности тихо и незаметно оставить дом и вернуться в гостиницу. Узнав, что местные привидения состоят из плоти и крови, полисмены отправились к дому без всяких уговоров. Мы вернулись в парк и в поместье тем же путем, который только что проделал я сам, однако, попытавшись открыть ступень, потерпели неудачу, и нам пришлось разбивать ее. Должно быть, поднявшийся шум спугнул обитателей подполья, так как, пройдя в потайную комнату по устроенному в стене длинному и узкому коридору, мы никого не нашли.

Как вы прекрасно можете себе представить, полицейские были жутко разочарованы, однако мне со своей стороны это было глубоко безразлично. Я загнал свое привидение, если так можно выразиться, и именно таковой была моя цель. Я не опасаясь ничьих насмешек, тем более что обману поддались все; потом, в конце-то концов, я справился с делом без чьей-либо помощи.

Обыскав все потайные ходы, мы обнаружили выход, устроенный в конце длинного туннеля, заканчивавшегося в стенке колодца на землях поместья. Над потолком зала оказалось пустое пространство, куда можно было попасть через маленькую потайную лестницу, устроенную внутри большой. Кровавый дождь представлял собой всего лишь подкрашенную воду, стекавшую сквозь крохотные отверстия в рельефах потолка. Как были погашены свечи и камин, я не знаю, поскольку злоумышленники не в точности следовали преданию, утверждавшему, что кровавый дождь гасит любые огни. Возможно, этого просто нельзя было сделать сквозь имеющиеся отверстия. Кроме того, и свечи, и камин можно было погасить с помощью облака окиси углерода, однако я не имею ни малейшего представления о том, как это можно было проделать технически.

Потайные ходы оказались, конечно же, старинными. Кроме того, – я, кажется, не сказал этого – бандиты устроили так, что когда кто-нибудь входил в ворота поместья, звонил колокольчик. Если бы я не перелез через стену, то ничего, кроме лишних хлопот, не нашел бы: колокольчик предупредил бы злоумышленников, едва я вступил на землю поместья.

– И что же вы заметили на негативе? – любопытно спросил я.

– Тонкую проволоку, с помощью которой они зацепили крюк, удерживавший входную дверь открытой. Злодеи воспользовались для этого одной из устроенных в потолке ниш. Они явно не предусмотрели никакого устройства для поднимания крюка. Должно быть, им и в голову не пришло, что придется воспользоваться им, и поэтому они сымпровизировали нечто вроде кошки. Проволока оказалась слишком тонкой, чтобы ее можно было заметить при освещении комнаты, однако вспышка выхватила ее из темноты. Понимаете?

Внутренние двери, как вы уже догадались, также открывали с помощью проволок, которые убирали сразу после использования, иначе я обнаружил бы их во время обследования дома.

Ну, думаю, теперь я все объяснил. Собаку, конечно же, эти люди убили своими руками. Помните, как сперва они устроили в зале полную темноту? Конечно же, если бы я воспользовался вспышкой прямо в этот момент, вся их афера была бы немедленно разоблачена. Но судьба распорядилась иначе.

– А бродяги? – спросил я.

– Ах, да... те двое бродяг, которых обнаружили мертвыми в поместье... – проговорил Карнакки. – Тут, конечно, ничего определенного сказать нельзя. Быть может, им случилось что-то узнать, и в результате они получили смертельную инъекцию. Не менее вероятно и то, что оба очутились в доме уже в преддверии смерти и умерли естественным образом. Вполне возможно, что в этом доме за прошедшее время переночевало великое множество бродяг...

Поднявшись на ноги, Карнакки выбил трубку. Мы также встали и отправились к своим пальто и шляпам.

– А теперь убирайтесь! – дружелюбно молвил Карнакки, прибегнув к привычной формулировке, и мы вышли на набережную, чтобы во тьме направиться каждый к своему дому.

Свистящая комната

Карнакки шутливо погрозил мне кулаком, едва я с опозданием появился в комнате. После этого, открыв дверь в столовую, он пригласил нашу компанию – Джессопа, Аркрайта, Тейлора и меня – к столу.

Как обычно, мы славно пообедали, причем наш хозяин, следуя своему обыкновению, помалкивал за трапезой. Наконец мы взяли вино и сигары, разместились в привычных местах, и Карнакки, уютно устроившийся в своем просторном кресле, без всяких вступлений приступил к рассказу.

– Я только что снова вернулся из Ирландии, – сказал он, – и подумал, что вам, друзья, будет интересно услышать новости. К тому же мне кажется, что я сам лучше пойму происшедшее, после того как все расскажу вам. Должен признаться, что с самого начала и до настоящего времени пребываю в состоянии полнейшего недоумения. Дело в том, что мне пришлось столкнуться с одним из самых странных случаев явления привидений – или разновидностью дьявольщины – во всей моей практике. Теперь слушайте.

Последние несколько недель я провел в замке Ястре, приблизительно в двадцати милях от северной оконечности Голуэя. Примерно месяц назад я получил письмо от мистера Сиды К. Тассока, недавно купившего это имение и перебравшегося в него лишь для того, чтобы обнаружить, что ему удалось приобрести весьма странный образчик недвижимости.

Когда я приехал, хозяин встретил меня на станции в прогулочном экипаже и отвез к замку, который, кстати, именовал «лачужкой». Я обнаружил, что он угнездился там со своим младшим братом, еще мальчишкой, и другим американцем, наполовину слугой, наполовину компаньоном. Похоже было, что слуги в полном комплекте, как вы бы сказали, оставили дом, и все трое управлялись сами, полагаясь на помощь какой-то приходящей прислуги.

Хозяева собрали импровизированную трапезу, и за едой Тассок рассказал мне о причинах своего беспокойства. Дело оказалось совершенно экстраординарным и непохожим на все, с чем мне приходилось сталкиваться, хотя весьма странным был и случай с жужжанием.

Тассок начал прямо с середины истории.

– У нас в этой лачужке обнаружилась комната, в которой слышен самого адского рода свист – некая разновидность привидения. Свист может начаться в любое время, но явление его невозможно предугадать, и он продолжается до тех пор, пока не вселит в тебя страх. Как вам известно, все слуги оставили дом. Свист ни на что не похож, и это не ветер. Ну, словом, сами услышите.

– Мы все ходим здесь с пистолетами, – сказал мальчик, похлопав себя по карману.

– Неужели дело настолько плохо? – спросил я, и его старший брат кивнул.

– Звук может быть негромким, – заметил он, – а впрочем, подождите и услышите сами. Иногда мне кажется, что его производит какая-то адская тварь, но уже в следующий миг мне кажется, что кто-то разыгрывает меня.

– Почему? – спросил я. – С какой целью?

– Вы хотите сказать, – проговорил он, – что люди обыкновенно имеют какую-то причину для шуток, настолько необычных, как эта? Ладно, расскажу вам. В этой провинции есть леди по имени мисс Доннехью, которая должна стать моей женой ровно через два месяца. Девушка хороша, как никто, и, насколько я могу судить, меня угораздило сунуть голову в самое что ни на есть осиное гнездо: целая дюжина пылких ирландцев ухаживала за ней битых два года, и теперь, когда я явился сюда и отодвинул их, они воспылали ненавистью ко мне. Вы понимаете все возможные последствия?

– Да, – сказал я. – Понимаю, но, быть может, не все... мне непонятно, какое отношение этот факт может иметь к комнате?

– Скажем, такое, – произнес он. – После помолвки с мисс Доннехью я начал искать дом для нас и приобрел эту крохотную лачужку. Потом я сказал своей невесте однажды вечером, во время обеда, что решил поселиться здесь, и она сразу же спросила, не боюсь ли я Свистящей комнаты. Я ответил ей, что, должно быть, получил ее в порядке премии, поскольку ничего не слышал о ней. При разговоре присутствовали некоторые из ее приятелей, и я увидел, как они обменялись улыбками. После некоторых расспросов я выяснил, что за последние двадцать с хвостиком лет дом этот уже покупали несколько раз. И всякий раз после опробования он вновь оказывался в продаже.

Ну, после обеда парни стали поддевать меня и предлагать пари на то, что я не продержусь в доме и шести месяцев. Раз или два я бросал взгляд на мисс Доннехью, чтобы удостовериться в том, что они не разыгрывают меня, и при этом вполне убедился, что она воспринимает весь разговор отнюдь не как шутку. Отчасти, как мне показалось, оттого, что со мной обращались насмешливо, но и оттого, что она действительно верила в побасенку о Свистящей комнате.

Словом, после обеда я сделал все, чтобы поквитаться с остальными. Я принял все пари и заверил их. Надо полагать, что мой выигрыш послужит для некоторых из них серьезным ударом, но проигрывать я не собираюсь. Ну, вот, собственно, и вся история.

– Не вполне, – сказал я. – Пока мне известно только то, что вы купили замок, в котором есть в известной мере странная комната, и заключили несколько пари. Еще я знаю, что ваши слуги испугались и разбежались. Но расскажите мне подробнее об этом свисте.

– Ах, да! – воскликнул Тассок. – Он начался на вторую ночь нашего пребывания здесь. Я старательно оглядел всю комнату, как вы понимаете, естественно, днем, поскольку разговоры в Арлестре – доме мисс Доннехью – заставили меня удивиться. Она показалась мне совершенно такой же, как и все остальные комнаты старого крыла, разве что, быть может, более тоскливой. Однако это могло быть всего лишь результатом предыдущего разговора.

Как я уже сказал, свист начался примерно в десять вечера во второй день. Том и я находились в библиотеке, когда до наших ушей донесся этот немислимый, странный звук, исходивший из восточного коридора. Комната эта находится в восточном крыле, как вам известно.

«А вот и наш добрый призрак!» – сказал я Тому, и, похватав со стола лампы, мы отправились поглядеть. И скажу вам, уже в коридоре у меня перехватило горло, настолько бесовски странным оказался звук. В известной мере он напоминал какую-то мелодию, однако скорее было похоже, что какой-то бес или мерзкая тварь осмеивает тебя, намереваясь при этом зайти тебе за спину.

Оказавшись перед дверью, мы не стали ждать и распахнули ее настежь; и тут, скажу вам, звук словно ударил мне в лицо. Том сказал, что ощутил то же самое – некую смесь потрясения и возбуждения. Мы принялись оглядываться по сторонам и уже скоро ощутили такую тревогу, что выскочили наружу, и я запер за собой дверь.

Спустившись сюда и придя, наконец, в себя, мы решили, что нас основательно провели. Захватив по крепкой палке, мы вышли из дома, полагая, что шутки над нами шутит один из оскорбленных в своих намерениях ирландцев. Однако в саду и ветка не шевелилась.

Мы вернулись в дом, обошли его и снова нанесли визит в странную комнату, однако оставаться там было просто невозможно. Едва ли не сразу мы выскочили обратно и опять заперли дверь. Не знаю, как точнее сказать, но мне казалось, что мы находимся перед чем-то абсолютно мерзким и опасным. Понимаете? С тех пор мы не расставались с пистолетами.

Конечно, на следующий день мы буквально перевернули комнату вверх дном, обшарили весь дом и обыскали все поместье, однако ничего странного так и не обнаружили. И теперь я не знаю, что и думать; разве что разум твердит мне, что эти хитрые ирландцы придумали какой-то коварный план, чтобы выгнать меня из поместья.

– После этого что-нибудь делали? – спросил я его.

– Да, – ответил он, – наблюдали за дверью комнаты снаружи по ночам, обыскивали земли поместья, простукивали стены и пол комнаты. Мы сделали все, что могли придумать, и поскольку свист начал действовать нам на нервы, послали за вами.

К этому времени мы покончили с едой. Когда мы вставали из-за стола, Тассок вдруг окликнул меня:

– Тсс! Слышите?!

Мы немедленно смолкли и прислушались. Тут-то я услышал этот необычный гулкий свист, – чудовищный, не имеющий ничего общего с человеческим, – доносящийся откуда-то из недр уходящего направо коридора.

– Боже мой! – промолвил Тассок. – А ведь только стемнело! Берите свечи и пошли.

Буквально через несколько мгновений мы оказались за дверью столовой – на лестнице. Тассок свернул в длинный коридор, а мы бежали следом за ним, прикрывая на бегу свечи.

По мере нашего приближения звук как будто наполнил собой весь коридор, и я, наконец, ощутил, что сам воздух словно пульсирует под действием некоей не сдерживавшей себя колоссальной силы – ощутил близость чудовища... если хотите, ощутил окружившую нас со всех сторон грязь.

Тассок отпер дверь, а потом, толкнув ее ногой, отскочил назад и выхватил револьвер. Едва дверь распахнулась, звук обрушился на нас с силой, которую невозможно объяснить тому, кто не слышал его – с жуткой определенностью, словно бы окутанная мраком комната раскачивалась и корчилась перед нами в злой и безумной насмешке под собственные взвизги, всхлипы и стоны. Просто стоять и прислушиваться к ним – значило наполняться ошеломляющим откровением. Это было так, словно кто-то вдруг поставил тебя перед разверзшейся бездной и сказал: «Вот он – ад», и ты не сомневаешься, что слова эти правдивы. Понимаете ли вы меня хоть вот на столько?»

Сделав шаг в комнату, я приподнял свечу над головой и торопливо огляделся. Тассок вместе с братом присоединился ко мне и встал за спиной; все мы подняли свечи повыше. Пронзительный, с визгливыми нотками свист оглушил меня; и тут я услышал, как нечто говорит мне прямо на ухо четко и ясно: «Убирайтесь отсюда, и поживее! Ну же! Быстро!».

Как вам, друзья, прекрасно известно, я никогда не пренебрегаю предупреждениями подобного рода. Конечно, подчас они могут оказаться всего лишь голосом расшалившихся нервов, но, как вы помните, именно такое предупреждение спасло меня в деле Серого Пса и в экспериментах с Желтым Пальцем... ну и в других случаях. Словом, я повернулся на месте к своим спутникам и выдохнул:

– Выходим! Ради бога, скорее.

Буквально через мгновение мы оказались в коридоре.

Тут к неистовому этому свисту и вою примешался злоеющий стон, а потом нас ударом грома поразила полная тишина. Я захлопнул дверь и запер ее, а потом, не выпуская из рук ключа, посмотрел на своих спутников. Они были бледны, как снег, и я подумал, что и сам, наверное, ничем не отличаюсь от них. Мы постояли на месте, охваченные недолгим молчанием.

– Пойдемте отсюда, выпьем немного виски, – проговорил, наконец, Тассок, постаравшийся придать своему голосу бодрости, и первым направился вниз.

Я шел последним и потому знаю, что все, не только я сам, то и дело оглядывались. Когда мы оказались внизу, Тассок пустил бутылку по кругу. Налив себе, он брякнул бокалом об стол и рухнул в кресло.

– Очаровательный сосед по дому, не правда ли! – проговорил он и почти без паузы добавил: – Но чего ради, Карнакки, вы с такой решительностью выставили нас из комнаты?

– Нечто словно бы приказало мне немедленно убираться, – ответил я. – Звучит, конечно, глуповато и суеверно, но когда тебе приходится иметь дело с подобного рода вещами, приходится обращать внимание и на самые странные из фантазий, пусть над тобой и насмеются.

Потом я рассказал ему о деле Серого Пса, и он то и дело с пониманием кивал.

– Конечно же, – продолжил я, – все это может оказаться не чем иным, как остроумным фокусом ваших соперников; но лично я, хотя и намереваюсь подходить к делу без предвзятости, все-таки считаю, что во всей этой истории есть нечто зловещее и опасное.

Мы еще немного поговорили, а потом Тассок предложил партию в бильярд, которую мы и сыграли в половину внимания, все время поглядывая в сторону двери и прислушиваясь к звукам; впрочем, таковых не было. После игры и кофе хозяин предложил пораньше отправиться в кровать и тщательно осмотреть комнату после наступления утра.

Моя спальня располагалась в более новой части замка, и дверь ее выходила в картинную галерею. Из восточной оконечности галереи можно было пройти в коридор восточного крыла, отделенный двумя старинными тяжелыми дубовыми дверями, казавшимися неуместными при взгляде на более современные двери отдельных комнат.

Добравшись до своей комнаты, я не стал ложиться в постель, но принялся распаковывать запиравшийся на ключ чемодан с аппаратурой, поскольку намеревался немедленно произвести один-два предварительных шага в своем исследовании этого необычайного свиста.

Наконец, когда весь замок погрузился в тишину, я выскользнул из своей комнаты и направился к выходу в большой коридор. Открыв одну из невысоких дверей, я провел лучом карманного фонарика по коридору. В нем было пусто, и я вошел внутрь, затворив за собой дубовые створки, а потом пошел по коридору, светя то вперед, то назад и держа револьвер наготове.

Для защиты я повесил на шею гирлянду из чеснока, и наполнивший коридор запах придавал мне уверенности, поскольку, как вам известно, овощ этот является удивительно надежным оружием против некоторых простых форм половинной материализации Аэйрьяи, с помощью которых, по моему мнению, производился этот свист. Хотя в тот период расследования я был вполне готов обнаружить его естественную причину, поскольку, как это ни удивительно, в подавляющем большинстве случаев, с которыми мне приходится иметь дело, не обнаруживается ничего сверхъестественного.

Помимо гирлянды, я вставил в уши по дольке чеснока: я не собирался проводить в комнате более нескольких минут, однако надеялся остаться в безопасности.

Дойдя до двери и опустив в карман руку за ключом, я вдруг ощутил тошнотворную вонь, однако не собирался возвращаться, если это зависело только от меня самого. Отперев дверь, я повернул ручку, а потом резко толкнул дверь ногой, как это сделал Тассок, и извлек револьвер, хотя и не рассчитывал, по правде говоря, воспользоваться им.

Я обвел лучом фонарика комнату и шагнул внутрь, испытывая при этом отвратительное и жуткое чувство, возникающее у человека, идущего навстречу притаившейся опасности. Постоял несколько секунд, выжидая, однако ничего не случилось, и в комнате было пусто – от угла до угла. А потом, понимаете ли, я вдруг осознал, что комната просто наполнена самым отвратительным безмолвием, понимаете? Причем безмолвием целенаправленным, тошнотворным, как любой из грязных звуков, которые позволено производить тварям. Помните, что я рассказывал вам о деле Безмолвного сада? Ну, так вот, эта комната была наполнена такой же зловещей тишиной – жестоким спокойствием чудовища, которое разглядывает тебя, оставаясь при этом незамеченным, и полагает, что ты попался. Ну, я сразу понял это и сорвал крышку с фонаря, чтобы осветить всю комнату, а потом взялся за дело, стараясь действовать с быстротой молнии, но внимательно оглядываясь по сторонам.

Я запечатал оба окна крест-накрест человеческими волосами, прикрепив их к рамам. Тем временем в атмосферу помещения медленно вползала непостижимая, едва заметная напряженность, и воздух в комнате сделался более густым. Я уже понимал, что здесь нечего делать без полной защиты, поскольку можно было не сомневаться: передо мной не просто проявле-

ние Аэйрьяи, а одна из самых худших форм – Сайитья, уже знакомая вам по делу Ворчащего Человека.

Закончив с окнами, я поспешил к громадному камину. В нем была устроена странная железная решетка, выступавшая с задней стороны арки. Я запечатал отверстие семью человеческими волосками – седьмой поперек шести остальных – и, едва я закончил с делом, как в комнате раздался насмешливый свист. По моему хребту пробежал нервный холодок, дотянувшийся через затылок и макушку до лба. Отвратительный звук наполнял комнату какой-то неожиданной гротескной пародией на свист – слишком громкий, чтобы принадлежать человеку, словно бы то насвистывало про себя некое наделенное гаргантюанским размером чудовище. В самый последний миг, накладывая завершающую печать, я уже не сомневался, что наткнулся на один из тех редких и жутких случаев, когда Не Имеющее Души воспроизводит функции Наделенного Душою. Схватив фонарь, я бросился к двери и оглянулся через плечо, прислушиваясь к ожидаемому появлению твари. Она явилась в тот самый момент, когда я положил кисть на дверную ручку – с визгом, полным невероятного гнева, пронзившим негромкое гудение свиста. Я вылетел наружу, хлопнул дверью и запер ее, а потом привалился к противоположной стене коридора с весьма «забавным» чувством, поскольку едва успел улизнуть... «Ибо несть ограды и не обрести ее святостию, внегда монстер имеет силу рещи чрез древо и камене» – так гласит «Манускрипт Зигзанда», и доказательство сему я получил в деле о Кивающей двери. Нет защиты от этой разновидности чудовища, разве что на малое время, поскольку оно способно воспроизвести себя внутри самого защитного материала, которым вы можете воспользоваться, или применить его в собственных целях... и имеет власть явиться внутри Пентакля, хотя и не сразу. Можно, конечно, произнести неведомую последнюю строку Обряда Саамаа, однако знание ее весьма сомнительно, а опасность – чрезвычайна; и даже тогда она может защитить лишь на «пятеричу сердечных биений», как сказано у Зигзанда.

Изнутри комнаты доносился постоянный и чуть задумчивый свист, однако он вскоре стих, и воцарившаяся тишина показалась мне еще худшей, ибо она была полна скрытой угрозы.

Чуть погодя я запечатал дверь скрещенными волосами, торопливо прошел по длинному коридору и, наконец, отправился в постель.

Долгое время я пролежал, не смыкая глаз, но все-таки сумел уснуть. Однако примерно в два часа ночи до слуха моего донесся гулкий свист, проникавший даже сквозь запертые двери. Звук был невероятно громким: казалось, он пронизывал весь дом ощущением ужаса. «Словно бы, – подумалось мне тогда, – некий чудовищный гигант веселится в безумном карнавале, начавшемся в конце дальнего коридора».

Я поднялся и сел на краю постели, не зная, следует ли сходить туда и взглянуть на печати, когда в мою дверь постучали, и внутрь вошел Тассок в накинутах на пижаму халате.

– Я решил, что вы тоже должны были проснуться, и поэтому пришел, чтобы поговорить, – начал он. – Не могу уснуть. Превосходно, не правда ли!

– Чрезвычайно! – сказал я, перебрасывая ему мою сигаретницу.

Тассок закурил, после чего мы просидели, наверное, час за разговором, и все это время из коридора до нас доносился этот немислимый свист.

Наконец Тассок поднялся.

– Давайте возьмем оружие и посмотрим, что там делает это чудовище, – сказал он, поворачиваясь к двери.

– Нет! – воскликнул я. – Нет... Ради бога! Я не могу сказать вам ничего определенного, но не сомневаюсь в том, что место более опасное, чем сейчас эта комната, отыскать трудно.

– Так значит, это действительно привидение? – спросил он полным интереса голосом и без привычного веселья.

Конечно, я сказал ему, что не могу пока дать определенного ответа на этот вопрос, но надеюсь, что скоро положение дел прояснится. После этого я прочел ему небольшую лекцию по

поводу ложной рематериализации одушевленной силы через неодушевленно-инертную. Наконец он начал понимать ту конкретную опасность, которую может представлять комната, если она – действительно место явления привидения.

Примерно через час свист вдруг прекратился, и Тассок отправился спать. Я тоже улегся в постель и, наконец, прихватил некую толику сна.

Утром я отправился в комнату. Печати на двери оказались неповрежденными. Убедившись в этом, я вошел внутрь. Печати и волосы на окнах также никто не потревожил, однако седьмой волосок, протянутый поперек большого камина, оказался разорванным. Это заставило меня призадуматься. Я понимал, что мог в спешке слишком сильно натянуть его, так что он потом лопнул; однако волосок вполне могло разорвать и что-то еще. Тем не менее, человек, например, вряд ли смог бы просочиться между шестью оставшимися целыми волосками просто потому, что не обратил бы на них внимания, проникнув в комнату через камин, а шагнул бы вперед, не подозревая о самом их существовании.

Сняв остальные волосы и печати, я заглянул в трубу. Наверху прямого дымохода виднелся клочок голубого неба. Широкий и чистый канал не позволял заподозрить существование тайного убежища или уголка. Тем не менее, я не мог довериться результатам столь поверхностного обследования, поэтому после завтрака влез в комбинезон и поднялся на самый верх дымохода и внимательно осмотрел его, однако ничего не нашел.

Потом я спустился и принялся обследовать всю комнату – пол, потолок и стены, разделив их на квадраты по шесть дюймов; простучав их молотком и обследовав щупом, я не обнаружил ничего аномального.

После этого я уделил три недели столь же тщательному исследованию всего замка, но ничего не нашел. Пришлось продолжить обследование уже с помощью микрофона, который я включил после того, как ночью опять начался свист. Дело в том, что если бы он производился с помощью какого-либо механического устройства, подобный эксперимент показал бы мне его источник, если бы тот был укрыт в одной из стен. Согласитесь, что иногда мне приходится использовать и весьма современные методы.

Конечно же, я не думал, что кто-то из соперников Тассока мог встроить в стену механическое устройство, однако считал возможным, что в давние времена в комнате могли поместить производящую свист штуковину – быть может, ради того, чтобы наделить комнату репутацией, способной избавить ее от любопытствующих. Понимаете, что я имею в виду? Конечно же, было возможно, что в таком случае некто, выведав секрет машинерии, мог сыграть дьявольскую шутку над Тассоком. Как я уже говорил, обследование стен с помощью микрофона позволило бы мне выяснить это, однако в замке не обнаружилось ничего подобного, и у меня практически не оставалось сомнений в том, что я имею дело с подлинным случаем так называемого наваждения.

И все это время замок каждую ночь оглашал исходивший из комнаты нестерпимый свист, иногда длящийся большую часть ночи. Казалось, что некий коварный разум, зная о предпринятых мною исследованиях, свистел и гудел в знак безумного и полного насмешки презрения. Скажу вам, что ощущение это было настолько же необычайно, насколько и ужасно. Время от времени, разутый, ступая на цыпочках, я подходил в ночные часы к опечатанной двери (я всегда держал комнату под всеми возможными печатями), и часто свист внутри приобретал зловещую и жестокую нотку, словно бы наполовину одушевленный монстр видел меня сквозь закрытую дверь. И все то время визгливый, гнусавый свист наполнял собой коридор, так что я казался себе одиноким и несчастным парнишкой, ставшим сопричастным одной из мистерий ада.

Каждое утро я входил в комнату, обследуя натянутые мной волоски и наложенные печати. После первой недели я протянул параллельные волоски вдоль всех стен комнаты и по потолку, а на выложенном полированным камнем полу разложил маленькие бесцветные пластинки лип-

кой стороной сверху. Каждая из них была пронумерована, и я раскладывал их согласно определенному плану – так, чтобы зафиксировать движение любого живого создания, если ему придет в голову сделать несколько шагов по полу.

Никакое материальное существо или создание не могло объявиться в комнате, не оставив следов, которые наутро сообщили бы мне об этом, однако каждый раз все оставалось на своем месте, и я начинал думать, что могу рискнуть переночевать в комнате внутри Электрического Пентакля. Я прекрасно понимал, что это безумный поступок, однако же ощущал, что зашел в тупик и готов на все.

Словом, однажды около полуночи я сломал печать и быстро заглянул внутрь. И тут, истинно говорю вам, вся комната испустила безумный вопль и словно бы потянулась ко мне всеми своими тенями – так, словно все стены разом выпятились в мою сторону. Конечно же, вы можете сказать, что в этом была виновата моя фантазия. Тем не менее, с меня хватило уже одного вопля, и я захлопнул дверь и запер ее, ощущая легкую слабость в ногах. Ощущение это мало кому покажется неизвестным.

И вот, когда я был готов уже к чему угодно, на меня свалилось известного рода открытие. Было около часа ночи, и я неторопливо обходил замок, стараясь ступать по мягкой траве. Оказавшись в тени восточного фасада, я услышал высоко над собой зловещий гнусавый свист, доносившийся из неосвещенного крыла. И тут же впереди меня послышался негромкий мужской голос, произнесший с явным удовольствием:

– Святой Георгий! Не знаю, как вы, ребята, но я бы не стал приводить жену в такой дом!
Фраза эта явно сошла с уст воспитанного ирландца.

Кто-то начал было отвечать, но последовало резкое восклицание, а затем я услышал шаги людей, разбегающихся во всех направлениях. Меня, совершенно очевидно, заметили.

Несколько секунд я не сходил с места, ощущая себя полным ослом. Итак, в конце концов, это они устроили всю историю с привидениями! Каким же дураком я, в конце концов, оказался? Я не сомневался, что нечаянно столкнулся с какими-то из соперников Тассока, а ведь буквально только что был уверен, что встретился с настоящим, подлинным и скверным Делом! Тут же снова нахлынули и воспоминания о сотнях мелких подробностей, которые заставляли меня сомневаться в этом. Впрочем, имел ли я дело с естественными существами или сверхъестественными силами, выяснить предстояло еще многое.

На следующее утро я сообщил Тассоку о своем открытии, и все следующие пять ночей мы внимательно следили за восточным крылом, однако так и не заметили никого поблизости; и все это время, почти от заката и до рассвета, зловещий свист гнусавил высоко над нами во тьме.

На следующее утро после пятой ночи я получил телеграмму, заставившую меня вернуться домой ближайшим кораблем. Я объяснил Тассоку, что просто обязан отлучиться на несколько дней, и велел нести караул вокруг замка. Потребовал я у него только одного: дать мне нерушимое обещание никогда не входить в комнату между закатом и рассветом. Я объяснил, что ничего определенного нам так и не удалось узнать, и что если комната действительно такова, какой показалась мне с самого начала, то лучше ему умереть, чем хоть раз войти в нее после наступления тьмы.

Приехав сюда и уладив собственные дела, я решил, что вам, друзья мои, будет интересно узнать об этом деле; кроме того, мне хотелось еще раз разложить обстоятельства в собственном уме, поэтому я и созвал вас. Завтра я вновь собираюсь туда, а по возвращении непременно расскажу вам нечто удивительное.

Кстати, я забыл поведать вам о любопытной вещи. Я попытался записать свист на фонограф, однако он не оставил на воске никакого отпечатка. И это действительно чрезвычайно странно, скажу я вам. Другая удивительная подробность заключается в том, что микрофон не усиливает звук – он даже не передает его, не замечает, ведет себя так, словно никакого свиста

вообще не существует. Словом, в настоящее время я полностью озадачен, ничего не понимаю, и мне хотелось бы знать, не забрезжило ли что-то в ваших добрых и мудрых головах? В моей, по крайней мере, пока еще пусто. Ну, а теперь – доброй ночи, – сказал он, поднимаясь на ноги, и сразу же начал выпроваживать нас на улицу, на сей раз – без обычных грубостей.

Через две недели Карнакки прислал каждому из нас визитную карточку, и, как вы понимаете, на сей раз я не опоздал. Когда мы собрались, хозяин сразу же повел нас в столовую, а потом, когда мы отобедали и устроились поудобнее, начал с того же самого места, на котором закончил:

– А теперь слушайте внимательно: я расскажу вам нечто странное. Я вернулся назад поздно вечером, и мне пришлось пешком добираться до замка, так как я никого не уведомлял о своем возвращении. Стояла ясная лунная ночь, так что прогулка оказалась скорее удовольствием, чем неприятной обязанностью. Когда я приблизился к дому, он оказался погруженным во тьму, и я подумал, что неплохо будет обойти замок снаружи и проверить, несут ли стражу Тассок или его брат. Однако я не сумел их найти и решил, что они устали и отправились спать.

Проходя мимо восточного крыла, с фасада, я услышал доносившийся сверху знакомый гнусавый посвист комнаты, нарушавший ночную тишину. В нем звучала странная нотка – я слышу ее и сейчас – негромкая, постоянная, полная непонятной задумчивости. Я поглядел вверх на освещенное луной окно и вдруг подумал, что стоит принести лестницу из конюшни и попытаться заглянуть в комнату через окно.

Приняв это решение, я обогнул замок и вышел на задний двор, где среди скопища различных пристроек отыскал длинную и достаточно легкую лестницу... впрочем, до чего же тяжелой она оказалась для меня одного, ведает только Бог! Сначала мне даже показалось, что я никогда не сумею поднять ее в одиночку. Однако я, наконец, сумел справиться с делом и очень осторожно приставил концы лестницы к стене, чуть ниже переплета того окна, что было пошире, а после, стараясь двигаться бесшумно, поднялся. Наконец лицо мое оказалось на уровне подоконника, и я заглянул внутрь озаренной лунным светом комнаты.

Конечно же, нечестивый свист был здесь громче, однако в нем по-прежнему оставалась та нотка насвистывавшей негромко себе под нос нежити... попробуйте представить ее себе. И все же, невзирая на всю задумчивость, в свисте угадывалось нечто жуткое и громадное – колоссальная пародия на человека, словно бы до слуха моего доносился посвист чудовища, наделенного губами монстра и душой человека.

И вот в этот-то миг я увидел нечто. Пол посреди просторной и пустой комнаты вспучивался странной и мягкой с виду горкой, посреди которой зияло трепещущее отверстие, пульсировавшее в такт негромкому, но могучему гудению. Время от времени дыхание его прерывалось, отверстие словно втягивало воздух и вновь раздражалось этой немислимой мелодией. И тут до моего онемевшего ума дошло, что штука эта живая. Передо мной, освещенные лунным светом, находились губы – колоссальные, почерневшие, жестокие, покрытые волдырями...

Они вдруг надулись, превращаясь в целый холм силы и звука, жесткий и грубый, четко вырисовывавшийся в лунном свете. Густой слой пота лежал на громадной верхней губе. И в этот же самый миг свист превратился в безумный визг, заставивший меня оцепенеть наверху моей лестницы за окном. А потом, буквально в следующий момент, передо мной оказался ровный пол комнаты... гладкий полированный каменный пол, простиравшийся от стены к стене, и наступило абсолютное молчание.

Представьте себе, какими глазами смотрел я внутрь притихшей комнаты, вспоминая зрелище, которое только что было перед моим взором. Я казался себе больным и испуганным ребенком, желающим лишь спокойно спуститься с этой самой лестницы и как можно быстрее убежать прочь. Но в этот самый миг я услышал голос Тассока, взывавший ко мне изнутри комнаты и моливший, моливший, моливший о помощи. Боже мой! Я находился в таком потрясе-

нии; охваченному страхом, мне казалось, что ирландцы все-таки заманили его внутрь комнаты и теперь торжествуют. А потом зов повторился, и, разбив окно, я прыгнул внутрь комнаты, чтобы помочь бедняге. Я смутно ощущал, что зов исходил откуда-то из мрачного зева большого камина, и сразу же бросился к нему, однако возле камина никого не оказалось.

– Тассок! – крикнул я, и эхо моего голоса заходило по пустому помещению.

И в этот же самый миг меня словно озарило: я понял, что Тассока здесь не было, и никто не кричал. Охваченный мучительным страхом, я бросился к окну, и тут страшный и ликующий визг пронзил комнату. Слева от меня торцовая стена, вздуваясь, тянула ко мне пару немислимых губ – черных, чудовищных, находившихся всего в ярде от моего лица. Нелепым и безумным движением я потянулся за револьвером, но не для того, чтобы стрелять в эту страшную нежить, а для себя самого, ибо грозившая мне опасность была страшнее тысячи смертей. И тут вдруг последняя неведомая строка обряда Саамаа негромко прозвучала в комнате. Случилось то, что мне уже приходилось переживать однажды. Вокруг меня с ровным и монотонным шорохом посыпалась пыль, и я понял, что жизнь моя ничего не стоит и в буквальном смысле слова висит на волоске посередине бурного, кружащего вокруг меня водоворота незримых тварей. А потом ощущение это оставило меня, и я понял, что, может быть, останусь в живых. Душа моя вновь соединилась с телом, жизнь и сила вернулись ко мне. Я отчаянно метнулся к окну и бросился наружу вперед головой, ибо признаюсь честно: в тот миг смерть была мне нипочем. Рухнув на лестницу, я соскользнул по ней вниз, перехватывая перекладины руками и извиваясь, живым добрался до самой земли, и сел там, где упал – в мягкой и влажной траве, посреди лужицы лунного света, а над моей головой через разбитое окно комнаты все доносился негромкий свист.

На этом все и закончилось. Поняв, что остался невредимым, я обошел замок и стуком в окно разбудил Тассока. Меня впустили, после чего мы долго беседовали за добрым виски, ибо я находился в полном расстройстве мыслей и чувств...

Рассказав по мере возможности все как было, я объяснил Тассоку, что всю отделку комнаты нужно сломать и каждый кусок ее сжечь в топке, окруженной Пентаклем. Он кивнул. Что еще можно было сказать? А потом я отправился спать.

Приставив к работе целую рать, за десять дней мы превратили убранство комнаты в дым и как следует прокалили горелкой каменные стены.

Когда рабочие начали сдирать панели, я получил твердые свидетельства начала этой кошмарной истории. Над большим камином, после того как сняли дубовые панели, обнаружился вмурованный в стену камень с витым орнаментом, на котором была старинная надпись. Древние кельтские письмена гласили, что в этой комнате был сожжен Диан Тинси, шут короля Альцофа, составивший песнь Глупости на короля Эрнора из Седьмого замка.

Справившись с переводом, я показал его Тассоку. Он разволновался, поскольку знал эту старинную повесть, и отвел меня в библиотеку, посмотреть на древний пергамент, на котором история эта была изложена во всех подробностях. Впоследствии я обнаружил, что местные жители прекрасно помнят об этом случае, хотя и считают его скорее легендой, чем подлинным историческим эпизодом. Но уж, во всяком случае, никто и не предполагал, что старинное восточное крыло замка Ястре представляет собой остатки древнего Седьмого замка.

Ветхий пергамент поведал мне о том, что в старину здесь совершили весьма грязное дельце. Получалось, что король Альцоф и король Эрнор являлись врагами, так сказать, от рождения, однако в течение многих лет их рознь ограничивалась лишь небольшими набегами. Так продолжалось до тех пор, пока Диан Тинси не пропел против короля Эрнора песнь Глупости, и сделал он это перед королем Альцофом; и такое одобрение высказал этой песне король Альцоф, что отдал шуту одну из придворных дам в жены.

Постепенно песню узнали все в округе, и, наконец, она дошла до слуха короля Эрнора. Он разгневался так, что пошел войной на старого недруга, взял его замок приступом и сжег короля

Альцофа вместе с замком. А вот шута Диана Тинси победитель привез в свой собственный замок, где приказал вырвать ему язык за сочиненную песню и заточить в одной из комнат восточного крыла (явно использовавшейся для всяких неаппетитных дел), а жену шута взял себе на ложе – красоты ради.

Но однажды ночью жена Диана Тинси исчезла, а утром ее нашли в объятиях мужа. Тот сидел, насвистывая песню Глупости, поскольку петь ее он более не мог.

Тогда Диана Тинси зажарили живьем в громадном камине – возможно, на той самой решетке, о которой я уже упоминал, и до самого мгновения смерти шут насвистывал песню Глупости, слов которой не мог более произнести. После этого по ночам в комнате начали часто слышать какой-то свист, а потом появилась какая-то злоедающая сила, так что никто не осмеливался заночевать в ней. Скоро и король перебрался в другой замок, ибо свист тревожил его. Ну, вот и все. Конечно же, я всего лишь коротко пересказал то, что было написано на пергаменте, но история достаточно любопытная. Как вам кажется?

– Да, – согласился я, отвечая за всех остальных. – Но как могла эта тварь набрать такую чудовищную силу?

– Один из случаев продолжения мысли, оказывающей положительное воздействие на окружающую материю, – ответил Карнакки. – Процесс должен был совершаться не одно столетие, чтобы возникло такое чудовище. Это подлинный случай проявлений Сайиты, которые лучше всего уподобить живой духовной плесени, пронизывающей саму структуру эфирных волокон и, конечно же, требующей для своего роста особого контроля над вовлеченной в него материальной субстанцией. В нескольких словах этого не объяснишь.

– Но что разорвало седьмой волосок? – спросил Тейлор, однако Карнакки не знал этого. Он повторил лишь, что, скорее всего, просто слишком натянул этот волос, а также объяснил, что, как они с Тассоком выяснили: разбежавшиеся от него ночью люди пришли к замку не для того, чтобы устроить какое-то безобразие, а чтобы послушать свист, вдруг сделавшийся предметом разговора во всей округе.

– И еще, – поинтересовался Аркрайт, – имеете ли вы представление о том, что определяет применение неведомой последней строки обряда Саамаа? Мне, конечно, известно, что ею пользовались Нечеловеческие Жрецы в Заклинании Раааии, но кто или что воспользовалось ею в вашем случае?

– Почитайте лучше монографию Харцанса и мое приложение к ней об астрале и астральной координации и интерференции, – ответил Карнакки. – Тема чрезвычайно интересная, и я могу только сказать, что вибрации человека нельзя изолировать от астрала, как всегда полагают в случае Нечеловеческого влияния, без мгновенной реакции Сил, определяющих круговращение нашего мира. Иными словами, мы снова и снова получаем доказательства существования защищающей нас несокрушимой Силы, всегда становящейся между душой – не телом, конечно, – человека и чудовищами Внешнего мира. Вы меня поняли?

– Кажется, да, – ответил я. – То есть вы полагаете, что комната сделалась материальным выражением этого шута... что его прогнившая от ненависти душа выродилась в чудовище, так?

– Да, – проговорил Карнакки, кивая. – Полагаю, что вы достаточно точно выразили мою мысль. По странному совпадению считается, что мисс Доннехью ведет свое происхождение – во всяком случае, так мне рассказывали потом – от того самого короля Эрнора. Это наводит на любопытные размышления, не так ли? Брак совершается, и комната пробуждается к новой жизни. И как только мисс Доннехью входит в нее... а? Оно ожидало там долгое время. Грехи отцов. Да, я думал об этом. Они венчаются на следующей неделе, и мне предстоит быть дружкой жениха... отвратная перспектива. Однако Тассок выиграл свои пари! Только подумать, что было бы, войди она когда-нибудь в эту комнату. Жуткая перспектива, а?

Он мрачно закивал, и мы четверо кивнули ему в ответ. После этого Карнакки поднялся и проводил нас до двери, где в своей дружеской манере выставил из своей квартиры на набережную, на свежий ночной воздух.

– Доброй ночи, – распрощались мы, отправляясь по домам.

«Так что же случилось бы, если бы она вошла, а? Если бы вошла?» – вот какая мысль не оставляет меня теперь.

Обитатель последнего дома

Помню, другой вечер, и мы вчетвером – то есть Джессоп, Аркрайт, Тейлор и я – с разочарованием глядели на Карнакки, молча сидевшего в своем громадном кресле.

Мы явились, получив по почте обычное приглашение, которое, как вам известно, служило у нас несомненной прелюдией к доброй истории; однако, коротко поведав нам о деле Трех соломенных блюд, хозяин погрузился в глубокую задумчивость, хотя, как я уже отметил, вечер еще и не начинал приближаться к концу.

Однако случилось так, что некая жалостливая мойра, толкнув Карнакки под локоть, растормошила его память, и он заговорил снова, таким ровным и знакомым нам тоном:

– Дело о Соломенных блюдах напомнило мне о деле Обитателя, которое, как я когда-то считал, вполне могло заинтересовать вас. История эта случилась несколько, а точнее – изрядное количество лет назад, и степень моего знакомства с некоторыми, скажем так, любопытными вещами была тогда еще весьма невелика.

Я жил тогда вместе со своей матушкой в небольшом домике на южном берегу – на самой окраине Эпплдорна. Наш дом стоял последним в ряду загородных коттеджей, каждый из которых был окружен собственным садом, и премилое, скажу вам, то было местечко; старинные дома эти буквально утопали в розах, нависавших над окнами в свинцовых переплетах и дверями из настоящего дуба. Попробуйте-ка представить себе такую красоту.

С самого начала должен сказать вам, что мы с матерью прожили в этом домике два года, и за все это время не имели ни малейшего повода для беспокойства. И тут случилось нечто.

Было два часа ночи. Я как раз дописывал письма, когда дверь в спальню матери открылась, она вышла на лестницу и постучала по перилам.

– Хорошо, дорогая, – воскликнул я, полагая, что она просто напоминает мне о том, что я слишком засиделся, и давно уже пора лечь в постель. Потом я услышал, что матушка вернулась в спальню, и поспешил закончить свои дела, опасаясь, что она будет лежать без сна, пока не услышит, что я благополучно оказался в своей комнате.

Закончив писать, я зажег свечу, погасил лампу и поднялся наверх. Проходя мимо матушкиной спальни, я заметил, что дверь ее открыта, негромко пожелал ей спокойной ночи и спросил, не надо ли закрыть дверь. Поскольку ответа не последовало, я понял, что она вновь погрузилась в сон, и осторожно прикрыл дверь, после чего свернул к себе в комнату, располагавшуюся на противоположной стороне коридора.

И в это самое мгновение я вдруг ощутил едва заметное дуновение... прикосновение слабого, но очень неприятного запаха, хотя то, что возмутил меня именно запах, понял, только на следующий вечер. Понимаете? Так иногда случается, и человек вдруг осознает вещь, запечатлевшуюся в его сознании, быть может, год назад.

На следующее утро я между делом сказал матери, что видел, как она выходила из комнаты, и как закрыл за ней дверь. К моему удивлению она завершила меня в том, что вовсе не покидала комнаты. Я напомнил ей о том, что она два раза постучала по перилам, однако она была уверена в том, что я ошибся; и, в конце концов, я поддразнил ее, сказав, что она настолько привыкла к моему скверному обыкновению ложиться за полночь, что вышла укладывать меня спать, даже не проснувшись. Конечно же, она отрицала это, и я оставил тему, ощущая, однако, недоумение и не зная, верить ли своему объяснению или списать звуки на мышей, а открытую дверь объяснить тем, что мать неплотно закрыла ее, ложась спать. Впрочем, в глубинах моего подсознания уже пошевеливались более странные мысли, однако в то время я еще не испытывал настоящей тревоги.

На следующую ночь события приняли новый оборот. Около половины третьего я услышал, что дверь в комнату матери распахнулась, как и в предшествующую ночь, и сразу после

этого мне показалось, что она резко постучала по перилам. Я прекратил работу и громко произнес, что долго не засижусь. Мать не ответила, и, не услышав, что она ложится в постель, я невольно удивился, подумав, не ходит ли она все-таки во сне?

С этой мыслью я поднялся и, взяв со стола лампу, отправился к оставшейся открытой двери в коридор. И тут-то я вдруг заволновался, поскольку до меня разом дошло, что когда я засиживался допоздна, мать никогда не стучала, а всегда звала. Как вы понимаете, я не был ни в малейшей мере испуган, а только ощущал известное смятение оттого, что она действительно проделывала это во сне.

Я быстро поднялся по лестнице и, когда оказался наверху, обнаружил, что матери на лестнице нет, но дверь в ее комнату открыта. И так, получалось, что она улеглась обратно в постель, и я этого не слышал. Войдя в комнату, я обнаружил, что мать спокойно спит, однако некая смутная тревога заставила меня подойти ближе, чтобы внимательно посмотреть на нее.

Даже убедившись, что с ней решительно все в порядке, я, тем не менее, ощущал легкое беспокойство, испытывая теперь уже большую уверенность в том, что подозрения мои справедливы, и она спокойно вернулась в кровать, не просыпаясь и не осознавая того, что делает.

Как вы понимаете, ничего более умного мне просто в голову не приходило.

И тут до меня внезапно дошло, что в комнате странным образом слегка попахивает плесенью, и что непонятный и непривычный запах этот я ощутил еще вчера в коридоре.

Теперь я уже решительно забеспокоился и начал осматривать комнату матери, впрочем, не собираясь производить обыск и не рассчитывая что-нибудь найти, а скорее для того, чтобы убедить себя в том, что в комнате ничего нет. И все это время, понимаете ли, действительно не ожидал ничего обнаружить, надеясь рассеять собственную неуверенность.

Посреди моих поисков мать проснулась, и мне, конечно же, пришлось объясняться. Я рассказал ей и об открытой двери, и о стуках по перилам, и о том, что, поднявшись наверх, нашел ее спящей. Я умолчал о запахе, не слишком-то сильном, однако пришлось сказать, что двойное повторение одной и той же ситуации заставило меня понервничать и, быть может, пробудило фантазию, так что я решил оглядеться, хотя бы для того, чтобы успокоиться.

Я подумал, что не следует упоминать о запахе не столько потому, что не хотел пугать мать, не будучи испуган сам; просто в голове моей запах каким-то боком связывался с вещами слишком неопределенными и непонятными, чтобы о них можно было говорить. Конечно, сейчас я способен анализировать и облекать мысли в слова, но тогда даже не осознавал причину собственного молчания, не говоря уже о следствиях из нее.

Однако мои неосознанные ощущения отчасти передала словами моя мать.

– Какой отвратительный запах! – воскликнула она и, посмотрев на меня, немедленно умолкла, а потом добавила, все еще глядя на меня чуточку взволнованно: – Ты ощущаешь что-то неладное?

– Не знаю, – ответил я. – Ничего не могу понять, если только ты и в самом деле не ходишь во сне.

– Но запах... – проговорила она.

– Да, – ответил я. – Он озадачивает и меня. Я обойду весь дом, однако не могу представить себе возможной причины его появления.

Я зажег матери свечу и, взяв лампу, обошел остальные спальни, а потом и весь дом, в том числе все три подвала, что стало испытанием для моих нервов, поскольку на самом деле я нервничал в куда большей степени, чем готов был это признать.

Закончив обход, я вернулся к матери и сказал ей, что беспокоиться не о чем. В конце концов, нам удалось уговорить друг друга и поверить в то, что в сущности ничего не произошло. Матушка моя не хотела соглашаться с тем, что ходит во сне, однако с готовностью признала, что дверь распахнулась, так как она вчера едва тронула задвижку. Что касается стука, причиной ему было, конечно же, движение коробящегося старинного здания или мышь, сдви-

нувшая с места кусок отвалившейся штукатурки. Запах объяснить оказалось труднее, однако в итоге мы сошлись на том, что в нем была виновата сырая земля, и ночной ветерок донес до нас через окно влажный запах из сада или, кстати, с крохотного кладбища, располагавшегося за задней его стеной.

На этом мы и успокоились, и я, наконец, отправился в постель – спать. Теперь я вижу во всем этом характерный пример того, как хорошо мы, люди, умеем обманывать себя: умом я не мог принять ни одного из предложенных мною же объяснений. Попробуйте представить себя в подобных обстоятельствах и увидите, насколько абсурдными могут стать любые наши попытки объяснить реальные события.

Утром, за завтраком, мы обговорили все заново и, согласившись, что ситуация странная, повинились друг другу в том, что в головы наши начала лезть всякая нелепица, которую, в общем, стыдно признавать. Странное, на первый взгляд, заключение, однако таково уж человеческая природа.

Но в ту же ночь дверь в комнату матери опять хлопнула сразу же после полуночи. Взяв лампу, я подошел к ее двери, которая оказалась закрытой. Я торопливо открыл ее и вошел внутрь, где обнаружил, что матушка лежит с открытыми глазами и весьма взволнована: стук разбудил ее. Однако более всего меня смутил тот мерзкий запах, который вновь ощущался в коридоре и в ее комнате.

Я принялся расспрашивать ее о том, все ли в порядке, и тут внизу дважды хлопнула дверь... Можете представить себе мои чувства? Мы с матерью переглянулись, потом я зажег ей свечу, а сам взял в руку кочергу и, держа в другой руке лампу, спустился по лестнице, начиная уже по-настоящему нервничать. Суммарный эффект столь странных событий начинал овладевать мной; кроме того все, так сказать, разумные объяснения явно оказались несостоятельными.

Мерзостный запах оказался внизу куда более сильным, особенно в передней комнате и в подвалах, но главным образом – в коридоре. Я старательно обыскал весь дом и, закончив с этим делом, убедился в том, что все окна и двери внизу были надежно закрыты и заперты, а во всем доме не находилось ни единой живой души, если не считать нас двоих. После этого я поднялся к матушке, и мы обсуждали с ней происшедшее более часа, в итоге придя к выводу, что, наверно, начитались всяких пустяков, однако сами, в душе, как вы понимаете, едва ли верили собственным словам.

Потом, когда мы сумели уговорить себя и прийти в более спокойное расположение духа, пожелав матушке доброй ночи, я отправился к себе и скоро сумел уснуть. Однако в ранний рассветный час, когда было еще довольно темно, меня разбудил громкий шум. Я сел в постели и прислушался. И тут снизу до слуха моего донеслось: «Бац! бац! бац!» – одна за одной захлопали двери... по крайней мере, так показалось моему слуху.

Охваченный внезапным испугом, я выскочил из постели, ощущая продравший по коже холодок; и тут, пока я зажигал свечу, дверь моей комнаты неторопливо открылась – я оставил ее незапертой, чтобы не ощущать себя полностью изолированным от матушки.

– Кто там? – вскричал я голосом, с одной стороны, вполне естественным, но отчасти придушенным, как нередко бывает от испуга. – Кто там?

И тут же услышал голос моей матушки:

– Это я, Томас. Но что происходит внизу?

Она уже вошла в комнату, и я заметил, что в одной руке она держит кочергу, а в другой – свечу. Я улыбнулся бы этой отваге, если бы не раздавшиеся внизу странные звуки.

Сунув ноги в шлепанцы, я снял со стены старый палаш, взял в руки свечу и попросил матушку не следовать за мной; впрочем, прекрасно зная, что просьба моя бесполезна, если она уже приняла решение; так и получилось, и во время моего обхода она исполняла обязанности

своеобразного авангарда. И в известной мере я был очень рад ее обществу, что совсем нетрудно понять.

К этому времени двери перестали хлопать, и в доме воцарилась – быть может, по контрасту – кошмарная тишина. Однако я шел первым, высоко поднимая свечу и держа палаш наготове. Все двери внизу оказались открытыми, однако все наружные двери и окна были заперты, и я начал сомневаться в том, что звук производили захлопывающиеся двери. Можно было быть уверенным только в том, что кроме нас в доме не было никого, и в том, что по всему дому разносилось дуновение уже знакомого нам зловония.

Убеждать себя в чем-то рациональном было теперь абсурдно. В доме происходило нечто странное, и когда рассвело, я отправил матушку паковать, а после завтрака посадил ее на поезд; сам же я взялся за дело, чтобы найти разгадку тайны.

Начал я с того, что отправился к домовладельцу и изложил ему все обстоятельства. От него я узнал, что, по свидетельству троих-четверых жильцов, двенадцать или пятнадцать лет назад дом заслужил дурную славу, и в итоге довольно долго простоял пустым; наконец его удалось по дешевке сдать некоему капитану Тобиасу с единственным условием держать язык за зубами, если он столкнется с какими-то странностями. Намерение лендлорда, как он сам откровенно признался мне, заключалось в том, чтобы с помощью жильца избавить дом от странных рассказов о нем, а потом продать – за любую сумму, которую удастся получить.

Итак, когда капитан Тобиас съехал после десяти проведенных в доме лет, всякие разговоры утихли, и когда я предложил сдать мне дом на пять лет, владелец буквально уцепился за предложение. Вот и все, как он дал мне понять. Когда я принялся расспрашивать его о подробностях совершавшихся тогда в доме странных событий, лендлорд сказал, что жильцы рассказывали ему о женщине, обходившей дом по ночам. Некоторые из жильцов вообще не видели ее, однако другие съезжали после первых нескольких месяцев.

Однако домохозяин особенно подчеркнул, что ни один из жильцов не жаловался на стук и хлопанье дверей. В отношении запаха он просто вознегодовал; однако, на мой взгляд, не имея особой причины. Разве что в его реакции можно было усмотреть косвенное обвинение в том, что я привел сливы в раковинах в плохое состояние.

В итоге я уговорил его заночевать в доме вместе со мной. Он немедленно согласился, в особенности после того, как я сообщил ему, что не намереваюсь предавать дело огласке и хочу докопаться до сути – поскольку сам он стремился избежать всяческих слухов о наваждении.

Лендлорд явился ко мне около трех часов дня, и мы внимательно осмотрели весь дом, не обнаружив при этом ничего необычного. После этого домовладелец проверил сливы, и, установив, что они находятся в полном порядке, мы начали готовиться к бессонной ночи.

Сперва мы позаимствовали два полицейских фонаря в соседнем участке, с начальником которого я был на дружеской ноге, а когда по-настоящему стемнело, лендлорд сходил домой за ружьем. Я уже упоминал, что при мне был палаш, и когда домовладелец вернулся, мы засиделись в моем кабинете почти до полуночи.

Тогда мы зажгли фонари и поднялись наверх. Разместив удобным образом фонари, ружье и палаш перед собой на столе, я отправился закрывать двери спален и опечатав их, после чего мы уселись и приглушили свет.

До двух часов ночи ничего не произошло, но как только пошел третий час – я определил это по циферблату часов, едва заметному в свете щели фонаря, – я вдруг ощутил чрезвычайную тревогу. Пригнувшись к лендлорду, я шепнул ему: «Непонятно почему, но мне кажется, что вот-вот произойдет нечто странное». Я попросил его приготовить фонарь, а сам потянулся к своему собственному. И в тот самый момент, когда я совершил это движение, наполнившая коридор тьма вдруг приняла темно-фиолетовый оттенок, но не так, как если бы в ней засиял свет, а словно естественная чернота ночи изменила окраску. И тогда, в этой тьме, из фиолетовых недр ночи вдруг явилось бегущее обнаженное дитя. Станным образом казалось, что

дитя это не выделялось из окружавшей нас тьмы, но являло собой концентрацию ее странной атмосферы – как если бы преобразивший ночь мрачный цвет ее исходил от самого ребенка. Объяснить это невозможно, поэтому попробуйте представить.

Дитя пробежало мимо меня, двигаясь, как всякий обыкновенный упитанный ребенок, но при этом пребывая в абсолютном и непостижимом безмолвии. Внешне оно производило впечатление малыша, вполне способного пробежать под столом, однако я видел это дитя и сквозь столешницу, как бы сделавшимся лишь чуть более темной тенью на фоне фиолетовой тьмы. В тот же самый миг я увидел, как неровный фиолетовый свет вдруг высветил очертания ружейных стволов и моего палаша, превратив их в бледные силуэты, парящие над исчезнувшей твердью стола.

Интересно, что, наблюдая за всем этим, я подсознательно ясно и четко ощущал возле себя, у самого локтя, напряженное дыхание домовладельца, ожидавшего в нервной позе и не снимавшего руки с фонаря. Я в тот же миг понял, что он ничего не видит, но ждет во тьме реализации моего предупреждения.

Обращаясь умом к этим пустякам, я следил за ребенком, который отпрыгнул в сторону, укрывшись за каким-то едва угадывавшимся предметом, безусловно, не находившимся в коридоре. Я вглядывался во мрак, удивляясь чуду, а по спине моей от страха бегали мурашки. Не отводя от ребенка глаз, я разрешил куда менее важную проблему, определив, что представляли собой два черных облачка, повисших над частью стола. На мой взгляд, такая двойная работа разума, зачастую особенно явная в мгновения особенного напряжения, представляет собой необычайный интерес. Два облачка исходили от слабо светившихся силуэтов металлических корпусов фонарей, и то, что казалось черным для моего тогдашнего зрения, могло оказаться лишь тем, что нормальное человеческое зрение называет светом. С тех пор я навсегда запомнил это явление. Я дважды видел его: в деле о Темном свете и в известном вам деле Мейтсонов.

Размышляя над этими световыми явлениями, я поглядел налево, пытаюсь понять, почему же прячется дитя, и вдруг услышал, как домохозяин выкрикнул: «Женщина!», однако сам ничего не увидел. Мною владело неприятное чувство, что рядом со мной находится нечто отвратительное, и тут я ощутил впившиеся в мою руку пальцы испуганного лендлорда. Снова взглянув в ту сторону, где пряталось дитя, я увидел, что оно выглядывает из своего укрытия и как будто бы всматривается в коридор, однако со страхом или нет – я не мог понять. Наконец ребенок выскочил из укрытия и побежал прочь, прямо через то место, где должна была начинаться стена спальни моей матери, которую чувство, позволявшее мне видеть все это, превратило в смутную вертикальную и бесплотную тень. Дитя немедленно исчезло из вида в тусклой фиолетовой мгле, и в этот миг я ощутил, как домовладелец придвинулся ко мне. Словно бы уклоняясь от чего-то, он вновь воскликнул внезапно охрипшим голосом: «Женщина! Женщина!» и неловким движением отодвинул шторку со своего фонаря. Однако я не видел никакой женщины, и коридор, по которому он беспокойно водил лучом своего фонаря, освещая в первую очередь дверь комнаты моей матушки, оказался пустым.

Не выпуская моей руки, лендлорд поднялся на ноги; движением механическим и неторопливым я поднял фонарь и включил его. Пребывая в некотором ошеломлении, я посветил на оставшиеся неприкосновенными печати на дверях, а потом принялся светить в разные концы коридора, однако он оставался пустым, и я повернулся к домовладельцу, говорившему нечто неразборчивое. Луч моего фонаря прикоснулся к его лицу, и я как-то тупо отметил, что оно покрыто бисеринками пота.

Наконец мысли мои улеглись и устроились в относительном порядке, и до меня начал доходить смысл его слов.

– Вы видели ее? Вы ее видели? – повторял он снова и снова, а потом я услышал собственный, вполне ровный голос, говоривший, что никакой женщины я не видел. Наконец, успокоился и домовладелец, и я узнал от него, что он видел женщину, появившуюся в конце коридора.

дора и прошедшую мимо нас. Однако он не мог описать ее и сказал только, что она то и дело останавливалась и оглядывалась вокруг, а оказавшись возле него, даже принялась пристально разглядывать стену, словно бы что-то разыскивая на ней. Однако в большей степени этого господина смущало то, что она как бы совсем не видела его. Он так часто повторял эти слова, что в итоге я несколько абсурдным образом сказал ему, что этому скорее следует радоваться. Но что все это значило? Вопрос этот оставался вопросом; и я почему-то был не столько испуган, сколько полностью ошарашен. До того времени мне приходилось видеть куда меньше, чем довелось потом; однако то, что я увидел, заставляло меня сорваться с якоря здравого смысла.

Итак, напарник мой видел женщину, которая что-то разыскивала, и которой не видел я. Я же видел убегающее дитя, прятавшееся от кого-то или от чего-то, тогда как он не заметил ни ребенка, ни всего остального – только женщину. Что все это значило?

Я не стал говорить домовладельцу о ребенке, поскольку находился в слишком большом недоумении и понимал, что любые попытки разумного объяснения окажутся тщетными. Он уже воистину одурел от увиденного, кроме того, этот человек явно не принадлежал к числу тех, кто способен разобраться в такой ситуации. Все это промелькнуло в моей голове, пока мы, стоя, светили фонарями во все стороны. И все это время за практическими действиями я вопрошал себя: что все это значит? Чего искала женщина; от чего спасалось дитя?

И тут, пока, взволнованный и потрясенный, я невпопад отвечал домовладельцу, на первом этаже резко хлопнула дверь, и сразу же после этого до моих ноздрей донеслась струйка той вони, о которой я уже говорил.

– Вот! – воскликнул я, обращаясь к лендлорду и в свой черед хватая его за руку. – Вот этот запах! Вы ощущаете его?

Он посмотрел на меня с настолько полным недоумением, что в порыве нервного гнева я даже встряхнул его.

– Да, – ответил лендлорд странным тоном, пытаясь навести луч плясавшего в его руках фонаря на верхнюю площадку лестницы.

– Пойдемте! – проговорил я, хватая свой палаш. Он последовал за мной, неловким движением прихватив ружье. Думаю, он сделал это скорее потому, что боялся остаться в одиночестве, чем из храбрости, которой в нем уже не осталось. Я никогда не осмеиваю подобную разновидность страха, ну, во всяком случае, крайне редко; дело в том, что, овладевая тобой, она оставляет от храбрости только клочки.

Я спускался по лестнице первым, посвечивая фонарем сперва в нижний коридор, а потом на двери и проверяя, закрыты ли они; запирая их, я загибал уголок коврика на каждую дверь, чтобы знать, открывали ли их. Обнаружив, что двери не открывали, я посветил лучом фонаря вниз лестницы, чтобы проверить коврик, который приложил к двери подвала. Жуткий испуг обрушился на меня: коврик лежал целиком на полу! Помедлив пару секунд, я принялся светить во все стороны коридора, а потом, собрав в кулак всю отвагу, спустился по лестнице.

Оказавшись на нижней ступени, я увидел на полу коридора влажный след и посветил на него фонарем. След этот на линолеуме коридора оставила влажная ступня; и след этот был необычным – странным, мягким, вялым и расплюснутым, немедленно вселившим в меня чрезвычайный ужас.

Я светил фонарем во все стороны и обнаруживал эти невыносимые отпечатки во всем коридоре. Следы подходили к каждой закрытой двери. Что-то прикоснулось к моей спине, и я развернулся на месте, обнаружив, что домовладелец стоит рядом со мной, едва не навалившись на меня от страха.

– Все в порядке, – промолвил я весьма невыразительным шепотом, чтобы вдохнуть в него толику отваги: было заметно, что все тело лендлорда содрогалось. Но пока я пытался успокоить его настолько, чтобы он мог оказаться полезным, ружье его разрядилось с оглушительным

грохотом. Мой компаньон подскочил на месте и разразился отчаянным воплем, а я от неожиданности выругался.

– Дайте мне его сюда, бога ради! – проговорил я, забирая ружье у него из рук; и в тот же миг на садовой дорожке послышались торопливые шаги, и полукруглое окно над дверью осветилось. Дверь толкнули, после этого раздался громовой стук, поведавший нам о том, что звук выстрела услышал и полисмен.

Я отправился к двери и открыл ее. К счастью, констебль знал меня, и, пригласив его внутрь, я сумел объяснить положение дел достаточно быстро. Пока мы были заняты этим делом, на дорожке появился инспектор Джонстон, хватившийся офицера и увидевший свет и открытую дверь. Я в возможно краткой форме рассказал ему о случившемся, однако не стал упоминать о ребенке или о женщине, поскольку подробность эта была для него слишком фантастической. Показав инспектору странные влажные следы, уводившие к закрытым дверям, я поспешил рассказать ему о коврике, положенном мной углом к двери и оказавшимся плашмя на полу, что свидетельствовало о том, что дверь открывали.

Инспектор кивнул и сказал констеблю, чтобы тот встал наверху лестницы, у двери, ведущей в подвалы. Затем он попросил, чтобы в холле зажгли лампу, после чего взял фонарь у полисмена и первым отправился в переднюю комнату. Настежь распахнув дверь, он замер у входа и посветил в комнату фонарем, а потом шагнул вперед и заглянул за дверь; впрочем, там не оказалось никого, однако весь полированный дубовый пол между коврами был заляпан этими жуткими растекающимися следами, а в комнате царило страшное зловоние.

Инспектор старательно осмотрел первую комнату, а потом с теми же предосторожностями перешел в среднюю. Там ничего не оказалось, как в кухне и кладовой, однако во всех комнатах обнаружили влажные следы, прекрасно заметные на деревянном полу или линолеуме; и повсюду стоял этот запах.

Прекратив осмотр комнат, инспектор потратил несколько минут на проверку того, упадет ли коврик, если дверь откроется, или останется стоять, как ни в чем не бывало, но во всех случаях коврики падали и оставались лежать.

– Небывалое событие! – пробормотал Джонстон себе под нос и направился к двери в подвал.

Для начала он спросил, есть ли окна в подвале, и, узнав, что оттуда нельзя выйти, кроме как через дверь, оставил эту часть дома напоследок.

Когда Джонстон приблизился к двери, полисмен отдал ему честь и что-то проговорил негромким голосом; некие нотки в его интонации заставили меня посветить на этого человека. Он был очень бледен и казался взволнованным и возбужденным.

– Ну, что там? – проговорил с нетерпением Джонстон. – Говорите!

– Сюда пришла женщина, сэр, и прошла прямо через эту дверь, – четко произнес констебль тем невыразительным тоном, который можно нередко услышать от необразованного человека.

– Что-что?! – возопил инспектор.

– Сюда пришла женщина и прошла прямо через эту дверь, – пробубнил монотонно констебль.

Инспектор за плечо повернул его к себе и принялся к дыханию.

– Нет! – проговорил он, наконец, и едким тоном добавил: – Надеюсь, вы вежливо открыли дверь перед дамой?

– Дверь оставалась закрытой, сэр, – бесхитростно молвил полисмен.

– Вы с ума сошли... – начал Джонстон.

– Нет, – достаточно ровным тоном вмешался в разговор стоявший позади инспектора домовладелец. Он явно успел овладеть собой. – Я тоже видел наверху женщину.

– Инспектор Джонстон, – проговорил я, – здесь, похоже, кроется нечто загадочное. Я также видел наверху весьма необыкновенные вещи.

Инспектор как будто бы собрался сказать что-то в ответ, но вместо этого снова повернулся к двери и стал так и этак светить на коврик и на пол возле него. Я увидел, что странные и вселявшие омерзение следы вели прямо к двери подвала, и последний из них наполовину скрывался под дверью, хотя полисмен только что сказал, что она оставалась закрытой.

И тут, не имея никакой цели, не осознавая собственных слов, я спросил у домовладельца: – А на что были похожи ее ноги?

Ответа не последовало, так как инспектор приказал констеблю открыть дверь в погреб, и тот не проявил желания повиноваться. Джонстон повторил приказ, и полисмен, наконец, исполнил его, странным автоматическим движением распахнув дверь. Из подвала ударило жуткое, вселяющее ужас зловоние, и инспектор отступил на шаг.

– Боже мой! – проговорил он, все-таки возвращаясь к двери и посветив вниз на лестницу; однако там ничего не было видно, кроме неестественных следов, остававшихся на каждой ступени. Тогда инспектор ярко осветил верхнюю ступень, на которой шевелился какой-то небольшой объект. Он нагнулся, чтобы рассмотреть его, мы с полисменом последовали данному им примеру. Не хочется лишний раз пробуждать в вас отвращение, однако это был червь. Полисмен попятился.

– Кладбище, – проговорил он, – ... за домом, на задах.

– Тихо! – проговорил Джонстон со странным нажимом, и я понял, что, наконец, испугался и он. Встав в дверях, он осветил фонарем ступень за ступенью, прослеживая уходящие в темноту следы; потом сделал шаг назад, и все мы отступили вместе с ним от открытой двери. Инспектор огляделся по сторонам, и у меня возникло чувство, что он ищет какое-нибудь оружие.

– Где ваше ружье? – спросил я у хозяина дома, и он принес его из передней и передал инспектору, который немедленно извлек пустую гильзу из правого ствола. Он протянул руку за снаряженным патроном, и лендлорд торопливо вынул заряд из кармана. Зарядив ружье, инспектор щелкнул затвором, повернулся к констеблю и шагнул к двери в подвал.

– Пошли.

– Я не пойду, сэр, – проговорил бледный, как смерть, полисмен.

Внезапно инспектор схватил своего подчиненного за шкирку и резким движением послал его вперед, во тьму, в которой тот с воплем и исчез. Инспектор немедленно последовал за ним с фонарем и ружьем в руках, а я поторопился следом, держа палаш наготове. За своей спиной я слышал движения домовладельца.

Оказавшись внизу лестницы, инспектор помог полисмену подняться на ноги, и тот неловко покачнулся, не сразу восстановив равновесие; инспектор немедленно направился в передний погреб, и подчиненный тупо последовал за ним, явно не испытывая теперь намерения в ужасе броситься наутек.

Мы все столпились в переднем погребе, светя фонарями в разные стороны. Инспектор Джонстон обследовал пол, и я увидел, что следы покрывали его повсюду и даже заходили в углы. Мне вдруг вспомнилось, что дитя пыталось скрыться от чего-то. До меня уже начинало кое-что доходить.

Мы дружно вышли из погреба, в котором более нечего было искать. В следующем подвале следы также хаотическим образом покрывали весь пол, словно бы оставившее их нечто искало какую-то вещь или вслепую следовало тени неведомого запаха.

В третьем подвале следы кончались возле мелкого колодца, в прежние времена снабжавшего водой весь дом. Колодец был наполнен водой до краев, причем вода оставалась настолько чистой, что, посветив фонарями, мы увидели камешки на дне. На этом поиски можно было заканчивать, и мы встали возле колодца, переглядываясь в полнейшей и жуткой тишине.

Джонстон еще раз осмотрел следы, а потом снова осветил фонариком в чистую воду неглубокого колодца, внимательно изучая каждый дюйм на его дне; однако ничего не было видно. Лишь отвратительный запах наполнял погреб, и все мы молчали, постоянно поводя фонарями во все стороны.

Инспектор оторвался от изучения колодца и невозмутимо кивнул мне, признавая таким образом, что теперь разделяет наше мнение; тем временем вонь в подвале сделалась еще более отвратительной, и в ней как будто бы угадывалась угроза, едва ли не материально подтверждавшая, что чудовищная тварь невидимо находится среди нас.

– Сдается мне... – начал инспектор, указав лучом фонаря на лестницу; тут нервы констебля уже не выдержали, и он бросился к ней со странным горловым звуком.

Домовладелец торопливым шагом последовал за ним, мы с инспектором тоже не стали медлить. Я шел последним, и Джонстон короткое мгновение подождал меня, прежде чем подняться, так что мы начали восхождение вместе, ступая на одни и те же ступени и светя назад фонарями. Оказавшись наверху, я трясущимися руками захлопнул и запер дверь, а потом утер лоб.

Инспектор попросил меня налить его подчиненному бокал виски, а потом отослал его продолжать обход. Сам он ненадолго задержался со мной и домовладельцем, и мы договорились о том, что на следующую ночь он присоединится к нам, и мы будем наблюдать за колодцем от полуночи до утра. После этого он оставил нас с первыми лучами рассвета, а мы заперли дом и отправились спать к лендлорду.

Днем мы вернулись в дом и занялись приготовлениями к ночи. Хозяин держался крайне спокойно, и я чувствовал, что после кошмарных переживаний минувшей ночи на него можно полностью положиться.

Мы открыли все окна и двери и старательно проветрили весь дом, потом зажгли все лампы, которые были в доме, снесли их в подвал и расставили так, чтобы повсюду было светло. После этого спустили вниз три кресла и стол и поставили их в том отделении подвала, где находился колодец. И, наконец, протянули через весь погреб тонкую фортепьянную струну примерно в девяти дюймах от пола, на такой высоте, чтобы всякое движущееся в темноте существо зацепилось за нее.

Сделав все это, мы с лендлордом обошли весь дом и опечатали в нем каждое окно и дверь – кроме входной и той, что была наверху, ведущей в подвал лестницы.

Тем временем местный жестянщик был занят работой по моему заказу; выпив чая в доме лендлорда, мы с ним отправились посмотреть, как продвигаются дела у мастера. Работа была завершена. Готовое изделие оказалось похожим на лишенную dna высокую клетку для попу-гая, сплетенную из очень толстой проволоки, высотой около семи футов и диаметром фута в четыре. К счастью, я не забыл предусмотреть, чтобы она разделялась по ширине на две половины, иначе мы не могли бы пронести ее сквозь двери и спустить вниз по лестнице в погреб.

Я распорядился, чтобы жестянщик доставил клетку в дом и накрепко соединил там обе половины. На обратном пути мы зашли в скобяную лавку, где я купил тонкую пеньковую веревку и железный блок, какие в Ланкашире используются для подъема грузов едва ли не в каждом доме, а также пару вил.

– Не трогать же это руками, – пояснил я лендлорду, и он кивнул, несколько побледнев.

Когда клетку доставили, спустили в подвал и соединили обе ее половины, я отослал мастера, и мы с хозяином дома накрыли ею колодец, на который и был рассчитан размер моего сооружения. После некоторых трудов нам удалось подвесить ее на железном блоке так, что, будучи поднятой к потолку и отпущенной, она всякий раз идеально плюхалась в воду – как колпачок, которым гасят свечи. Добившись этого, я снова поднял ее к потолку, чтобы была наготове, и крепко привязал веревку к толстому деревянному столбу, стоявшему посреди подвала.

Итак, к десяти часам все было готово, в том числе пара вилок и два полицейских фонаря; не забыл я и о виски и сэндвичах. Под столом были припасены несколько ведер с дезинфекционным средством.

Чуть позднее одиннадцати часов во входную дверь постучали, и, выйдя к ней, я обнаружил инспектора Джонстона, прихватившего с собой одного из своих сыщиков. Вы, конечно же, понимаете, насколько я был рад появлению этого человека, увеличившего собой численность нашей ночной стражи; он показался мне крепким, спокойным, умным и собранным – как раз таким, какого я бы выбрал сам для того жуткого дела, совершить которое нам предстояло наступавшей ночью.

Впустив в дом инспектора и детектива, я закрыл и запер входную дверь, а потом, пока инспектор держал фонарь, старательно опечатал ее лентой и воском. Дверь над лестницей в погреб я закрыл и опечатал подобным же образом.

Когда мы спустились в погреб, я предупредил Джонстона и его подчиненного, чтобы они не споткнулись о проволоки, а потом, заметив удивление инспектора, начал объяснять сделанные мной приготовления и намерения, которым он выразил полное одобрение. Я с удовольствием увидел, что и детектив, слушая меня, кивает, одобряя все предпринятые предосторожности.

Опустив фонарь на землю, инспектор взял одни вилы и взвесил их на руке, а потом посмотрел на меня и кивнул.

– Отличная штукавина, – проговорил он. – Жаль только, что вы не предусмотрели еще одну пару.

Потом мы заняли свои места, а детектив устроился на табурете, взятом из угла погреба. Пока стрелка часов не показала без четверти двенадцать, мы поужинали за непринужденной беседой сэндвичами и виски, а потом убрали со стола все, кроме фонарей и вилок. Одни из них я вручил инспектору, другие взял сам, а потом, поставив свое кресло так, чтобы привязанная к клетке веревка была под рукой, я обошел погреб и погасил все лампы.

Нащупав рукой кресло, я удобным образом разместил поблизости вилы и фонарь, после чего предложил всем соблюдать полнейшее молчание во время нашего бдения. Кроме того, я попросил их не включать фонарей, кроме как по моему сигналу.

Я положил свои часы на стол возле фонаря, слабое свечение которого позволяло мне видеть время. Где-то с час ничего не происходило, и в подвале царил полная тишина, нарушавшаяся разве что иногда неловким движением. А вот примерно в половине второго я ощутил то же сильное непреодолимое беспокойство, которое посетило меня предыдущей ночью. Торопливо протянув руку, я освободил завязанную вокруг столба веревку. Инспектор явно заметил мое движение, поскольку я увидел, что слабый отсвет его фонаря немного шевельнулся, как если бы он, приготавливаясь, положил на него руку.

По прошествии какой-то минуты я заметил, что окружающая нас тьма переменяла цвет, начиная неторопливо приобретать фиолетовый оттенок. Я поспешно огляделся по сторонам, окруженный этим новым сумраком, и понял, что фиолетовый буквально на глазах становится гуще и гуще. Средоточие или ядро перемены появилось где-то за колодцем, на почтительном расстоянии, и с невероятной скоростью приблизилось к нам почти в один момент. Вот оно оказалось рядом, и я снова увидел крошечное обнаженное дитя – бежавшее и казавшееся сотканным из той фиолетовой ночи, которая его окружала.

Ребенок двигался вполне естественным образом, в точности так, как я это уже описывал, но в такой полнейшей тишине, что казалось: именно он и несет с собой это безмолвие. Примерно на половине расстояния между столом и колодцем дитя торопливо пригнулось, оглядываясь на что-то невидимое, и торопливо припало на колени, как бы прячась за чем-то, смутно обрисовавшемся во мраке, однако не принадлежащим нашему миру, ибо между нами и колодцем не было ничего, кроме голого пола.

Я с удивительной ясностью слышал дыхание всех остальных, а наручные часы на столе отбивали время с медлительностью и внушительным скрипением настольных часов моего деда. Каким-то образом я понял, что никто из присутствующих не видит того, что видел я.

Вдруг сидевший рядом со мной домовладелец с шипением выдохнул сквозь зубы, и я понял, что он заметил нечто невидимое для меня. Скрипнул стол, и я ощутил, что инспектор наклонился вперед, вглядываясь во что-то. Домовладелец протянул ко мне руку во мраке, не сразу нащупав мою ладонь.

– Женщина! – шепнул он мне на ухо. – Там, над колодцем!

Я внимательно посмотрел в ту сторону, но ничего не увидел, разве что фиолетовая тьма стала в том месте чуть тусклее.

Торопливо переведя взгляд на то место, где пряталось дитя, я увидел, что оно выглядывает из укрытия. Внезапно ребенок вскочил и бросился бежать по направлению к середине стола, казавшегося смутной тенью, закрывавшей от моего взгляда невидимый пол. Когда дитя пробежало под столом, стальные зубцы моих вил вдруг засветились неровным фиолетовым светом. Чуть в стороне, во мраке, обрисовались очертания других вилок: инспектор приготовил их к бою. Не могло быть и тени сомнения в том, что он видел нечто. Металлические корпуса пяти фонарей на столе вспыхнули тем же самым странным светом, и каждый из них окружило облачко полнейшей тьмы, стусившееся там, где наши глаза видят естественный свет, сочившийся из узких щелей; и в этой полнейшей тьме металл каждого фонаря казался кошачьим глазом, сверкнувшим в полной черной шерсти корзине.

Оказавшись позади стола, дитя снова остановилось и замерло, слегка раскачиваясь на ногах, создавая этим впечатление, что на самом деле оно легче пушинки одуванчика. Причем в тот же самый момент другой части моего сознания казалось, что я вижу его сквозь толстое, хотя и невидимое стекло, и что ребенок этот подвергается воздействию сил и условий, находящихся за пределами моего разума.

Дитя вновь оглянулось, и взгляд мой обратился в ту же самую сторону, куда оно глядело. Я смотрел на другую сторону и ясно видел свою клетку, обрисованную светом – до последней проволоочки и узелка; выше разливалась полоска мрака, а над нею тускло светился железный блок, привернутый мной к потолку.

Взгляд мой в смятении метался по подвалу; пол повсюду перечеркивали тонкие огненные линии, и я вдруг вспомнил фортепьянные струны, которые мы с домовладельцем недавно натянули. Однако больше ничего не было видно, только возле стола мерцали неясные сполохи, а на противоположной стороне его проступали тусклые очертания револьвера, по всей видимости, находящегося в кармане детектива. Помню, отметив это, я странным образом ощутил некоторое подсознательное удовлетворение. Неподалеку от меня на столе растекалась бесформенная лужица света; после короткого раздумья я понял, что вижу стальные детали моих часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.